

Д Р У Ж И Т Ь

Д
А
В
А
Й
П
Е

Вып. 4

Проза
новой
России

Русская литература
на рубеже тысячелетий

Л
И
Т
Е
Р
А
Т
У
Р
А
М

Дайджест

Серия
«Давайте дружить литературами»

Выпуск 4

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

***Проза новой
России:
Русская литература
на рубеже
тысячелетий.***

Екатеринбург 2007

ББК 83.3 (Рос=Рус)6
П78

Редакционная коллегия:

Е.А. Козырина

С.В. Кокорина

Е. Н. Кошкина

Проза новой России: Русская литература на рубеже тысячелетий: дайджест / сост. Е. Н. Лом; Свердловская областная межнациональная библиотека.—Екатеринбург: СОМБ, 2007.—110 с.—(Давайте дружить литературами; вып. 4)

Ответственный за выпуск: Т. Х. Новопашина

От составителя

Пришли иные времена.
Взошли иные имена.

Е.Евтушенко

...Чтоб каждый, кто летает и летит,
По воздуху вот этому летая,
Летал бы дальше, сколько ему
влезет

Ал. Еременко

Обращение к современной литературе всегда содержит в себе внутреннюю опасность: ведь мы прикасаемся к совсем «горячему» материалу, в котором время еще не все расставило по своим местам. Поэтому **четвертый выпуск** нашего дайджеста отражает то разноречье, разнообразие современной русской литературы, которое всегда особенно ярко проявляется в исторически переломные моменты, каким явился и рубеж XX-XXI веков.

Здесь, как и в современной художественной реальности, нашлось место для всех - традиционалистов, сторонников великой русской романной традиции XIX столетия, экспериментаторов, опирающихся на модернистские искания начала XX века, постмодернистов, игриво использующих предшествующее наследие, приверженцев нового журнализма, неоклассицизма и всего прочего с неизбежной приставкой «нео»...

Для нас было важно представить самых разных участников современного литературного процесса: и тех, кто завоевал признание давно, еще в 60-е и 80-е, но в 90-х – 2000-х снова показал высокий класс литературы и тем самым ответил на вызов времени, и тех, чья писательская

судьба складывалась в годы перестройки – поколение, которое уже называли «самым удачливым и самым одиозным» - и тех, кто лишь начинает свой путь в литературе, но заявил о себе так ярко, что без них российская словесность уже не может быть полной.

Количество людей, считающих себя литераторами и выпускающих авторские книги, в 90-е годы XX века и в начале века нынешнего в России увеличилось по отношению к предшествующим десятилетиям едва ли не на порядок. А, как известно, очень трудно доказать, что «Потапенко пишет хуже Чехова», - тем более это трудно определить в литературном потоке современности, когда быстро меняющаяся мода формирует свой рейтинг знаменитостей. Чтобы выстроить не только достойный ряд, но и передать объем художественного процесса, проблемы поиска творческого смысла и жизненного предназначения литературы в эпоху исторического перелома, мы выбрали в качестве ориентира литературные премии, присуждение которых тому или иному автору означает в определенной степени признание обществом его творческих заслуг в формировании российской словесности «на рубеже веков». Это и стало тем фактором, который объединил в нашем дайджесте писателей разных возрастов и художественных направлений. Наконец, чтобы подчеркнуть разнообразие современного литературного процесса в России, мы представили лауреатов как всероссийских, так и региональных (уральских) литературных премий.

Литература на перекрестке эпох: Основные черты современного литера- турного процесса

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки.

О. Мандельштам

Современный литературный процесс рубежа XX-XXI веков заслуживает особого внимания по ряду причин: во-первых, литература конца века своеобразно подводит итог художественным и эстетическим исканиям всего столетия; во-вторых, новейшая литература помогает понять всю сложность и дискуссионность нашей действительности; в-третьих, своими экспериментами и художественными открытиями она намечает перспективу развития XXI века.

Культуролог *Михаил Эпштейн* констатирует повторяемость ощущения переходности, пограничности: «на исходе XX века опять главенствует тема конца: Нового века и Просвещения, истории и прогресса, идеологии и рационализма, субъективности и объективности. Конец века воистину располагает себя в конце всего: после авангарда и реализма, после индустриализации и империализма... Смерть Бога, объявленная Ницше в конце XIX века, откликнулась в конце XX века целой серией смертей и самоубийств: смерть автора, смерть человека, смерть реальности, смерть истины». Подведение итогов, апокалиптические настроения, спор с классической традицией, дискуссии о новом герое, поиски адекватного наступающему веку языка – все это черты литературы рубежа веков, символически зажатого между словами «конец» и «начало».

Литература переходного периода – это время вопросов, а не ответов, это период жанровых трансформаций, это время поисков нового Слова. «Во многом непонятны мы, дети рубежа веков, мы ни «конец» века, ни «начало» нового, а схватка столетий в душе; мы – ножницы между столетиями». Думается, что сказанные сто лет назад слова

Андрея Белого могут повторить сегодня практически все.

«Счастлив тот, кто преодолевал рубежи веков, кому довелось пожить в соседствующих столетиях. Почему: да потому что это как две жизни отбарабанить и даже как если бы одну жизнь ты проторчал в Саранске, а другую отпраздновал на Соломоновых островах, или одну пропел-прогулял, а другую в заточении отсидел, или в одной жизни ты был пожарником, а в другой предводителем мятежа», - иронически пишет наш современник *Вячеслав Пьецух*. Лауреат Букеровской премии 1992 года *Марк Харитонов* более серьезен: «Чудовищный, потрясающий век! Когда сейчас, под занавес, пробуешь окинуть его взглядом, дух захватывает, сколько он вместил разнообразия, величия, событий, насильственных смертей, изобретений, катастроф, идей. Эти сто лет по густоте и масштабу событий сравнимы с тысячелетиями; быстрота и интенсивность перемен нарастали в геометрической прогрессии... Осторожно, ни за что не ручаясь, заглядываем мы за новый предел. Какие возможности, какие надежды, какие угрозы! И насколько все еще более непредсказуемо!»

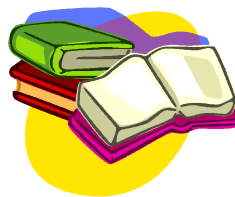
Любой рубеж веков – открытая к диалогу культур эстетическая система, поэтому проза отечественных писателей находится в едином экспериментальном пространстве с прозой известных современных зарубежных авторов М. Кундеры, Х. Мураками, М. Павича и др. «В новой России писатель обречен быть современным. Он стоит у той же развилки, что и любой другой автор, живущий в самом конце XX века», - справедливо отмечает *В. Ерофеев*.

Современную литературу часто называют «переходной» - от жестко унифицированной подцензурной советской литературы к существованию литературы в совершенно иных условиях свободы слова, изменения роли писателя и читателя, утере «литературоцентризма». Поэтому оправдано частое сопоставление с литературным процессом и серебряного века, и 20-х годов: ведь тогда же нащупывались новые координаты движения литературы.

На конференции «Современная литература: критерий ценностей» *В. Астафьев* высказал следующую мысль: «Современная литература, основанная на традициях великой русской литературы, начинается заново. Ей, как и народу, предоставлена свобода... Литераторы мучительно ищут этот путь». Сегодня литература живет по законам «рубежа веков», так же, как и сто лет назад, «содержанием литературы являются трагические противоречия действительности» (так в

1905 году о современной ему литературе писал *М. Горький*). Так, *В. Шаров* связывает современный литературный процесс с двадцатыми годами: «Я думаю, что генетически всего ближе мы к литературе 20-х – начала 30-х гг.: тогда начиналось то, свидетелями конца чего нам суждено быть. ...Мы не только кончаем, завершаем то, что начали, не только дописываем их книгу: им самим говорим, как, чем она завершится, - мы и очень похожи на то поколение своим ощущением жизни».

Уникальность современного литературного процесса делает его чрезвычайно сложным и противоречивым объектом изучения. Нельзя не согласиться с *А.Генисом*, считающим, что «применять к сегодняшней литературе старые традиционные критерии невозможно. Нельзя рассматривать современный литературный процесс как однолинейный, одноуровневый. Литературные стили и жанры явно не следуют друг за другом, а существуют одновременно. Нет и в помине былой иерархичности литературной системы. Все существует сразу и развивается в разных направлениях».

Действительно, многоголосие новейшей литературы, отсутствие единого метода, единого стиля, единого лидера – к чему за 70 лет своего существования так привыкла советская литература – одна из ярких черт современности.

Классифицировать направления современной прозы сложно, однако первые попытки уже существуют. Так называемая неоклассическая линия в современной прозе обращается к социальным и этическим проблемам жизни, исходя из реалистической традиции русской литературы с ее проповеднической и учительской ролью. Открыто публицистический характер, тяготение к философской и психологической прозе отличают произведения *В. Распутина*, *В. Астафьева*, *А. Приставкина*, *Б. Васильева* и др. Для представителей условно-метафорического направления современной прозы, напротив, не свойственна психологическая обрисовка характера героя, свои истоки писатели (*В. Орлов*, *А. Ким*, *В. Крупин*, *Ф. Искандер*, *А. Адамович*, *В. Маканин*, *Л. Петрушевская* и др.) видят в иронической молодежной прозе 60-х годов, поэтому строят художественный мир на различных типах условностей (сказочной, фантастической, мифологической). Мир социально сдвинутых обстоятельств и характеров, внеш-

нее равнодушие к любому идеалу и ироническое переосмысление культурных традиций характерны для так называемой «другой прозы». Произведения, объединенные этим достаточно условным названием, очень разные: это и восходящая к жанру физиологического очерка натуральная проза *С. Каледина, Л. Габышева*, и игровой по своей поэтике иронический авангард (*Евг. Попов, В. Ерофеев, Вяч. Пьецух, А. Королев* и др.).

Конечно, более всего литературоведческих споров вызывает постмодернизм, воспринимающий чужие языки, культуры, знаки, цитаты как собственные, из них строящий новый художественный мир (*Вен. Ерофеев, С. Соколов, В. Пелевин, Т. Толстая, В. Нарбикова, В. Сорокин* и др.). *И. Скоропанова* рисует точный портрет писателя-постмодерниста: «...он... эрудит, полиглот, отчасти философ и культуролог. Особые приметы: лишен традиционного «я» - его «я» множественно, безлично, неопределенно, нестабильно, выявляет себя посредством комбинирования цитации; обожает состояние творящего хаоса, опьяняется процессом чистого становления; ... соединяет в себе несоединимое, элитарен и эгалитарен одновременно; тянется к маргинальному, любит бродить «по краям»; стирает грань между самостоятельными сферами духовной культуры, всегда находит возможность ускользнуть от любой формы тотальности; всем видам производства предпочитает производство желания, удовольствие, игру; никому не навязывается, скорее способен увлечь, соблазнить». Постмодернизм пытается существовать в условиях «конца литературы», когда уже ничего нового написать нельзя, когда сюжет, слово, образ обречены на повторение. Поэтому характерной особенностью литературы постмодернизма становится интертекстуальность. «Постмодернизм отвергает наивные и субъективистские стратегии, рассчитанные на проявление творческой оригинальности, на самовыражение авторского «я», - и открывает эпоху «смерти автора», когда искусство становится игрой цитат, откровенных подражаний, заимствований и вариаций на чужие темы», - пишет *М. Энттейн*.

Многие современные критики сходятся во мнении, что в конце XX века происходит слом литературной эпохи, утеря литературоцентризма в обществе, резко меняется тип писателя и тип читателя. Если на протяжении почти двух веков были актуальны слова А.И. Герцена о том, что «у народов, лишенных общественной свободы, литература становится единственной трибуной, с которой народ может сказать о

своей боли», то сегодня воспитательная, учительная миссия русской литературы уже не столь очевидна.

Ощущение «конца литературы» связано с более фундаментальным переосмыслением функции литературы в обществе. Современный писатель и критик *Михаил Берг* считает, что «присоединение России к мировому сообществу связано с вступлением России в постмодернистское пространство конца века. И здесь совершенно естественно то, что читатель, который раньше не осознавал ни себя, ни жизнь, ни литературу, вдруг стал точнее относиться к себе, к литературе, к жизни. И он увидел, что ему литература не нужна. Не нужна в той степени, в которой она нужна ему была несколько лет назад, когда она заменяла ему жизнь». И все же в повести *В. Пьецуха* «Новая московская философия» звучит надежда на то, что литература все-таки будет востребована обществом: «Литература – это духовный опыт человечества в концентрированном виде и, стало быть, она существеннейшая присадка к генетическому коду разумного существа... Люди обязаны жить с оглядкой на литературу, как христиане на «Отче наш»».

Сегодня нередко раздаются сетования на то, что современная литература умерла, ее нет, говорят о «кризисе иерархической системы миропонимания в целом» (М. Липовецкий). Многие критики с иронией пишут, что над русской прозой «тяготеет ненароком оброненная фраза: «У нас нет литературы»». Современникам кажется, что все самое интересное в литературе или уже было, или только должно произойти. Показательно, что новейшую литературу называют «литературой эпилога» (М. Липовецкий), «бесприютной литературой» (Е. Шкловский), «плохой прозой» (Д. Урнов), «больным, который скорее полужив, чем полумертв» (Л. Аннинский), «другой литературой» (С. Чупринин) и т.д. Вспоминают слова Е. Замятина из его знаменитой статьи 1921 года «Я боюсь» о том, что будущее русской литературы в ее прошлом. Однако напряженная жизнь современной литературы доказывает обратное.

В начале XX века *А. Блок* писал: «Если не жить современностью – нельзя писать». Через сто лет писатели, участвуя в спорах о современном литературном процессе, так же сходятся в одном: современная литература интересна уже тем, что она эстетически отражает на-

ше время. «Философия государства, его этика, не говоря о его эстетике – всегда «вчера»; язык, литература – всегда «сегодня» и часто – особенно в случае ортодоксальности той или иной политической системы – даже и «завтра». Одна из заслуг литературы в том и состоит, что она помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных, избежать тавтологии, то есть участи, известной иначе под почетным именем «жертвы истории»», - сказал в 1987 году в своей знаменитой Нобелевской лекции *Иосиф Бродский*. Наши современники продолжают эту мысль. Так, писатель *А. Варламов* пишет: «Нынешняя литература, в каком бы кризисе она ни находилась, сохраняет время. Вот ее предназначение, будущее – вот ее адресат, ради которого можно стерпеть равнодушие и читателя, и правителя». В унисон Варламову звучат слова *П. Алешковского*: «Так или иначе литература конструирует жизнь. Строит модель, пытается зацепить, высветить определенные типажи. Сюжет, как известно, неизменен с древности. Важны обороты... Есть писатель – и есть Время – нечто несуществующее, неуловимое, но живое и пульсирующее, - то нечто, с чем пишущий вечно играет в кошки-мышки». А *Е. Попов* в своей повести «Душа патриота, или различные послания к Ферфичкину» вырабатывает практически девиз современного писателя: «Не теряй зря времени, описывая то, что пока есть». «Я говорю с эпохой», - вслед за *О. Мандельштамом* могут повторить наши современники. Возможно, именно эту способность отражать время и ценят сегодня читатели.

Список литературы:

Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература / И.С. Скоропанова. – М.: Флинта; Наука, 2001. – 608 с.

Черняк, М.А. «Переходный» характер современной литературы / М.А. Черняк // Современная русская литература. – СПб.; М., 2004. – С. 4-7.

Черняк, М.А. Современный литературный процесс как объект изучения / М.А. Черняк // Современная русская литература. – СПб.; М., 2004. – С. 7-9.

Черняк, М.А. Основные направления современной прозы изучения / М.А. Черняк // Современная русская литература. – СПб.; М., 2004. – С. 20-22.

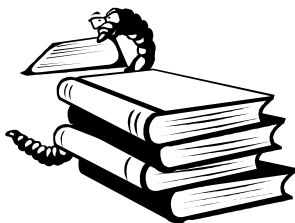
Швыдкой, М. В поисках утраченного смысла / М. Швыдкой // Проза новой России: в 4-х т. Т. 1. – М.: Вагриус, 2003. – С. 5-8.

Эпштейн, М. De'but de siecle, или От пост – к прото. Манифест нового века / М. Эпштейн // Знамя. – 2001. - № 5. – С. 78.

Эпштейн, М. Истоки и смысл русского постмодернизма / М. Эпштейн // Звезда. – 1996. - № 8. – С. 166.

Четыре «поколения» современных писателей

Русская культура совершила прорыв в современность, и русскому писателю не осталось ничего другого, как стать современным.

А. Генис

Пространство современной литературы очень пестрое. Сегодняшнюю литературу творят люди разных поколений: и те, кто существовал в недрах советской литературы, и те, кто работал в андеграунде литературы, и те, кто начал писать совсем недавно. У представителей этих поколений принципиально различное отношение к слову, к его функционированию в тексте.

Писатели-шестидесятники, которых петербургский писатель Валерий Попов иронически назвал «прогульщиками соцреализма» (А. Вознесенский, В. Аксенов, В. Войнович, А. Солженицын, Ф. Искандер, Б. Окуджава, Е. Евтушенко, В. Асафьев, А. Синявский и др.) ворвались в литературу во время оттепели 1960-х годов и, почувствовав кратковременную свободу слова, стали символами своего времени. Позже их судьбы сложились по-разному, но интерес к их творчеству (где бы они ни были) сохранялся постоянно. Сегодня – это признанные классики современной литературы, отличающиеся интонацией иронической ностальгии и приверженностью к мемуарному жанру. Критик М. Ремизова пишет об этом поколении так: «Характерными чертами этого поколения служат известная угрюмость и, как ни странно, какая-то вялая расслабленность, располагающая больше к созерцательности, нежели к активному действию и даже незначительному поступку. Их ритм – *moderato*. Их мысль – рефлексия. Их дух – ирония. Их крик – но они не кричат...».

Авторы поколения 1970-х, назвавшие себя «поколением отставших» (С. Довлатов, И. Бродский, В. Ерофеев, А. Битов, В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Токарева, С. Соколов, Д. Пригов и др.), уже работали в условиях творческой несвободы, и для них, по воспоминаниям Д. Пригова, было ругательным выражение «Это можно печатать».

тать». Писатель-семидесятник, в отличие от шестидесятника, связал свои представления о личной свободе с независимостью от официальных творческих и социальных структур. Среда семидесятников использовала свои собственные источники культурной информации, развивала свои собственные средства тиражирования и распространения созданных произведений (самиздат и тамиздат), выработала свои собственные представления о ценностных ориентирах создаваемой литературы. Для них актуальным и близким стал пафос базаровской фразы «Человек хорош, обстоятельства плохи». «С середины 70-х годов началась эра невиданных доселе сомнений не только в новом человеке, но и в человеке вообще... литература засомневалась во всем без исключения: в любви, детях, вере, церкви, культуре, красоте, благородстве, материнстве, народной мудрости... На место психологической прозы приходит психопатологическая. Уже не ГУЛАГ, а сама распадающаяся Россия становится метафорой жизни», - пишет об особенностях почерка этого поколения один из заметных его представителей *Виктор Ерофеев*. Именно это поколение начинает осваивать постмодернизм, в самиздате появляется поэма *Венедикта Ерофеева* «Москва – Петушки», роман *Саши Соколова* «Школа для дураков» и *Андрея Битова* «Пушкинский дом», фантастика *братьев Стругацких* и проза русского Зарубежья.

С «перестройкой» в литературу ворвалось еще одно многочисленное и яркое поколение писателей (В. Пелевин, Т. Толстая, Л. Улицкая, В. Сорокин, А.Слаповский, В. Тучков, О. Славникова, М. Палей и др.), которые, начав работать уже в бесцензурном пространстве, смогли свободно осваивать разнообразные маршруты литературного эксперимента. Проза Сергея Каледина и Олега Ермакова, Леонида Габдышева и Александра Терехова, Юрия Мамлеева и Виктора Ерофеева, повести Виктора Астафьева и Людмилы Петрушевской затрагивали запретные ранее темы армейской «дедовщины», ужасов тюрьмы, быта бомжей, проституции, алкоголизма, бедности, борьбы за физическое выживание. «Эта проза возродила интерес к «маленькому человеку», к «Униженным и оскорбленным» - мотивам, формирующим уходящую в XIX век традицию возвышенного отношения к народу и народному страданию. Однако, в отличие от литературы XIX века, «чернуха» конца 1980-х годов показала народный мир как концентрацию социального ужаса, принятого за бытовую норму. «Эта проза выразила ощущение тотального неблагополучия

современной жизни. Оказалось, что область ужасного и безобразного, насильственно вынесенная за пределы культуры «застоя», огромна и вездесуща. Мир «дна» предстал в этой прозе не только как метафора всего социального устройства, но и как реалистическое свидетельство хаотичности общепринятого «порядка» существования в целом. Неонатуралистическая проза строит свой образ мира по образцу средневекового «кромешного мира», который сохраняет структуру «правильного» мира, меняя смысловые знаки на противоположные», - пишут *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.*

В конце 1990-х появляется другое поколение совсем молодых писателей (*А. Уткин, А. Гостева, П. Крусанов, И. Стогофф, Е. Мулярова, А. Геласинов, Е. Садур, Е. Долгопят, Е. Родов, Б. Ширянов* и др.), о которых *В. Ерофеев* говорит: «Молодые писатели – первое за всю историю России поколение свободных людей, без государственной и внутренней цензуры, распеваящих себе под нос случайные рекламные песенки. Новая литература не верит в «счастливые» социальные изменения и моральный пафос, в отличие от либеральной литературы 60-х годов. Ей надоели бесконечное разочарование в человеке и мире, анализ зла (литература андеграунда 70-80-х гг.). Вместо концептуальных пародий на социалистический реализм она балдеет от его «большого стиля». Критик *О. Славникова*, один из кураторов литературной премии «Дебют», в статье, посвященной прозе «поколения next», пишет: «Правота молодости основана не на экспертизе, не на знании того, чего, к примеру, не знает тридцатипятилетний человек, а на свободе. Писатель из next'ов отвергает эстетику изысканного индивидуализма, нытья и распада. Роль социального аутсайдера ему не по вкусу, он примеряет на себя роль молодежного лидера».

Очевидно, что новейшая литература – сложна и многообразна. «Современная проза – это не рассказ о современности, а разговор с современниками, новая постановка главных вопросов о жизни. Она возникает как энергия только своего времени, но увиденное и прожитое – это ведь не зрение и не жизнь. Это знание, духовный опыт. Новое самосознание. Новое духовное состояние», - полагает лауреат Букеровской премии 2002 года *Олег Павлов*. «В определенной степени именно современный этап может быть рассмотрен как подведение итогов XX века, вобравшего в себя художественные озарения

«серебряного века», эксперименты модернизма и авангардизма 1910-20-х годов, апофеоз соцреализма в 1930-е годы и его саморазрушение в последующие десятилетия и отмеченного началом формирования на основе этого великого и трагического опыта новых художественных тенденций, характеризующихся напряженными поисками таких ценностных ориентиров и творческих методов, которые бы открывали выход из затяжного духовного кризиса, переживаемого Россией в течение всего столетия», - с этими словами *Н. Лейдермана* и *М. Липовецкого* нельзя не согласиться.

Повернувшись «к постыдному столетию спиной», мы все же постоянно оглядываемся назад, вглядываемся в уже ушедший XX век. Литература всегда живет своей эпохой. Она ею дышит, она, как эхо, ее воспроизводит. О нашем времени и о нас будут судить и по нашей литературе тоже. «Собеседник – вот кто мне нужен в новом веке – не в золотом, не в серебряном, а в нынешнем, когда жизнь стала важнее литературы», - слышится голос современного писателя. Не мы ли те собеседники, которых он ждет?

Творческие заслуги многие из упомянутых выше представителей «четырех поколений» современных писателей были удостоены тех или иных литературных наград. Представляем более подробно некоторых *лауреатов всероссийских литературных премий*:

АКСЕНОВ, ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ родился в Казани 20 августа 1932 года. Сын писательницы

Е.С. Гинзбург ("Крутой маршрут"), в Магадане провел часть детства - по месту ссылки матери. Окончил Ленинградский медицинский институт, работал врачом. Печататься начал в 1959, известность приобрел после публикации в журнале «Юность» повести *Коллеги*

(1960), по которой вскоре был снят кинофильм. *Коллеги*. Написанные в начале 1960-х повести *Звездный билет* (1961), *Апельсины из Марокко* (1963), рассказы *Местный хулиган Абрамашвили* (1963), *Товарищ красивый Фуражкин* (1963), *Жаль, что вас не было с нами* (1965) и др. сделали Аксенова ярким представителем литературного направления, обозначенного

критикой как «молодежная проза».

В повестях и рассказах 1960-х Аксенов не только создавал новый тип героя, свободного от каких-либо догм, но и пробовал разнообразные повествовательные формы. Это позволило ему воплотить в своих произведениях многообразие мира, представить разные взгляды на изображаемые события.

Одним из самых знаменитых его романов стал "Остров Крым" (1979). В основе сюжета лежит вымышленное стечение обстоятельств, вследствие которого Крым после революции не был завоеван Красной Армией, где развивается капитализм по-русски: с мощной экономикой, свободой слова и демократией. Несмотря на это, главным героем романа, журналистом Лучниковым, овладевает идея Общей Судьбы с Россией, осуществление которой приводит к приходу в Крым советских войск.

Аксенов был одним из создателей самиздатовского альманаха "Метрополь". А после его разгрома в декабре 1979 вышел из СП СССР и эмигрировал. Преподавал в американских университетах, печатался в эмигрантских изданиях.

В США Аксенов написал по-английски роман *Желток яйца* (1989), который впоследствии перевел на русский язык. Используя вымышленный дневник Достоевского, в котором великий писатель якобы спорит с Марксом «о сути коммунизма и о природе человечества», Аксенов, по его словам, пытался в этом романе «найти некоторую модификацию определенного американского типа». Эти же поиски лежат в основе двух произведений Аксенова об Америке – *Круглые сутки нон-стоп* (1976) и *В поисках грустного беби* (1987). В них выражено двойное видение Америки – после двухмесячной поездки и после переезда на постоянное жительство.

Сейчас Василий Аксенов живет во Франции, часто бывает в Москве, где и представляет свои новые романы. После одноименного телесериала его трилогия "*Московская сага*", рассказывающая о трех поколениях семьи русского врача Бориса Градова, разошлась 300-тысячным тиражом.

Роман Аксенова "*Вольтерьянцы и вольтерьянки*", был удостоен премии «Русский Буккер» за 2004 год.

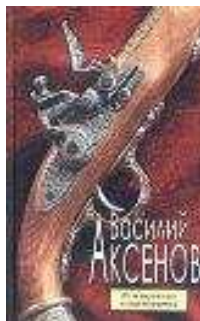
«Его читали и читают, ему подражали и подражают, и именно Аксенову удалось определить стиль целого поколения – тех,

кого называли «внутренними эмигрантами». Писатель Василий Аксенов остается вечным спутником советского и постсоветского интеллигента». Так пишет Зоя Богуславская об одном из самых читаемых в мире русских писателей.

Из романа **«Вольтерьянцы и вольтерьянки»**

Глава первая,

в коей парсуна превращается в роман, пустынные берега в парижскую Масленицу, портрет Вольтера в живую персону, театральный скандал в триумф, трезубец Нептуна в объятия Морфея

В самом начале сего повествования хочу обратиться к вам, персоны читающего сословия; и к тем, кто посреди домашнего досуга возжигает свечу над не разрезанным еще томом, равно как и к тем, кто, трясаясь день-деньской в кибитке, прижимает книгу к подушке с пятнами стеарина и раздавленным клопом-с, и сообщить, что книга сия втягивает вас в апрель 1764 года; ранняя весна, судари мои, глубокий морозный закат.

Вслед за фразой развивается неподвижная картина прибалтийского простора. Большущее небо с длинными лиловыми облаками на западе и со молодым месяцем в зените. Голые ветви вдоль дороги, в конце коей темная ломаная пила городка с острейшим, будто не своим, зубом кирхи. Озеро подо льдом. Вросшие в лед повозки недавней войны. Торчат оглобли, скособочилось колесо, зияет жерло походной пушки. Кой-где, ежели спешиться и присмотреться, увидишь в замерзающей на ночь полынье брошенную воином фузею с торчащим из дула багинетом или без оного, патронную суму пехотинца или кавалерийское седло с переметными карманами, череп лошажий, а то и человеческий, расколотую кирасу с торчащими ребрами, некогда прикрывавшими сердце, исполненное отваги или безудержной тоски, именуемой в обиходе горечью поражения. Неподвижная сия картина красноречиво расскажет тому, кто спешится, о страшной схватке в померанских болотах, ну а тому, кто проскачет мимо, не расскажет ничего, поелику тот ее и не заметит.

Теперь пора сказать, что не все так пронзительно застыло в этой весенней темной картине, освещенной лишь огромным бледно-

зеленым небом с чеканным серпиком апреля. Есть тут две фигуры, пребывающие в бешеном движении, ног у них не сочтешь, видно только, как вдребезги разбиваются замерзающие вдоль дороги лужи. Летят за ними хвосты, гривы и плащи, если глянешь сбоку. С той же позиции заметишь натянутые до бровей треуголки да молодые гладкие подбородки. Рьяны ноздри исторгают мятущийся пар. Шумное дыхание, бой копыт и скрип сбруй завершают переписку пейзажного масла, то есть натюрморт на наших глазах и при наших ушах обращается в натюральную романою.

Бешеный галоп выветривает вчерашнюю данцигскую пьянку из глав и телес двух шевалье, Николя и Мишеля. Слава тебе Господи, что лошади не пьют!

(...)

Третьего дня под вечер легкой рысью, как предписано было в экспедиции, достигли Николя и Мишель приморского города Данцига, по-нашему Гданьска. Предъявили страже французские пашпорты и были пропущены за ворота; даже взятки не потребовалось. К французским офицерам многие из гданьского народа относились с симпатией еще со времен высадки в защиту короля Сигизмунда Лещинского супротив российского произвола. Никому и в голову не пришло залезть в кавалерские ташки, иначе могли бы за двойными бортами обнаружиться не только французские, но и саксонские подорожные бумаги, а если б глубже копнули, могли бы и на прусские папиры наткнуться.

(...)

Итак, попытаемся развеять нашу собственную, невесть откуда взявшуюся “таинственность” в тех пределах, в коих это возможно в начале книги. Читатель, конечно, уже догадался, что Николя де Буало на самом деле зовут Николаем Лесковым, а Мишеля де Террано Михаилом Земсковым и что они никакие не французские “эстафеты” (les estafetes), а просто-напросто русские офицеры, недавно зачисленные в агенты секретной экспедиции петербургского правительства.

Происходят они из самой внутренней России, и именно из Рязанской губернии. Усадьбы Лесковых и Земсковых в большущем и немислимо разбросанном по природе селе Покровском смотрят друг на дружку с двух равновысоких холмов. (...)

Совершеннолетие Мишани и Николаши совпало с июльским 1762 года восшествием на престол молодой императрицы Екатерины. Ге-

нерал Афсиомский, соблюдая традицию дворцовых переворотов и с трепетом вспоминая собственную елизаветинскую бравладу, приехал по просьбе друга Никиты Панина (друзьями прирос сей герой от Тегерана до Лиссабона) в квартиры Преображенского полка и вывел оттуда на возбужденные улицы батальон верных Екатерине воинов, среди коих пылали влюбленностью в Россию и в молодую мятежницу Николай и Михаил.

Прошло еще два года. Ксенопонт Петропавлович стал подумывать о переводе уношей из военного дела в дипломатическое ведомство. Не чинами, не орденами крепнет сейчас персона, а причастностью к большим умам, к просвещению нравов, к банковским операциям, солидным вложениям. И тут как раз в высоких, если не сказать, высочайших, сферах двора возникло секретнейшее дело, главой которого был поставлен шестидесятилетний вельможа, воин и надежнейший агент, путешественник, столь основательный, что снискал себе репутацию “Марко Поло Российского”, писатель утопий и авантюрист, светский лион и немножко бандит, как всякий контрбандит проседает быть, сам Его сиятельство Афсиомский.

Паки приходится просить пардона у читателя за новую невольную “таинственность”. Мы не раскрываем сего “секретнейшего дела” токмо лишь потому, что сами его пока не знаем, а вовсе не завлекательности ради. Осмеливаемся напомнить, что ушли мы от прямого изложения только для раскрытия первой “таинственности”, вот именно: связанной с каретой. Теперь уже ясно, кто едет в этой карете и куда направляется. Вот именно: во Францию неторопливо, солидно и надежно катит экипаж, в который каждое утро после очередного ночлега садится этот не очень-то уже русский господин в немного длинноватом парике, но зато в исключительно модных очках и с первым томом “Энциклопедии”, кою решено было во время путешествия не токмо прочесть, но и и перечесть, то есть в оную виикнуть.

Афсиомский готовился к делу загодя, обстоятельно, учитывая всяческие подробности. К числу подробностей относилась и его опека над будущими дипломатами Лесковым и Земсковым. Их приняли на подготовку в секретную экспедицию правительства, а за несколько дней до выезда основной делегации отправили верхами в Париж. Предполагалось, что уноши прибудут туда за неделю до кареты и, пользуясь своими располагающими внешностями, великолепным с точки зрения “экспедиции” знанием французского лянга и прочими

благосклонностями, проведут подготовку к приезду графа, встретятся с нужными людьми, а главное, покажут самих себя, новое поколение российских европейцев, а не каких-нибудь свинтусов, кои рисуются в Париже при слове “русский”. И вот такой едва не получился афронт: едва не наехал строгий граф на своих быстролетных гонцов, пребывавших в приятнейшем размягчении в обществе, собиравшемся играть воланы. Можно лишь представить себе гнев государственного посланника, прокати его карета незамеченной еще сотню сажений до “Лион Дора”, куда, собственно говоря, и направлялся он для фриштика и разговора с паном Шпрехтом-Пташком-Злотовским. При всем своем пристрастии к младой рязанской поросли небось вознамерился бы поднять на оную трость. К счастью, ничего не заметил, кроме двух быстро улепетывающих всадников. Уж не пруссаки ли опять хитрят, подумал он, но мысль эту временно отставил.

Дальнейший путь до Парижа наши кавалеры проскакали без приключений, хоть таковые и предлагались дорогой в изобилии. Быстрей, быстрей, глазкам не потакаем, на оскорбления не отвечаем, лишь бы обогнать карету на три дня, хоть на два дня, лишь бы оправдать ожидания героя-покровителя!

(...)

Эпилог

как таковой в завлекательных авансах

не нуждается

(...)

Нередко при Дворе случались некоторые оказии, когда молодой подполковник Михаил Земсков призывался для оказания особого рода услуг. Речь шла о срочной и быстрой поездке в Ферне для передачи письма, а чаще всего какого-либо дарственного пакета от Государыни ее доверительному корреспонденту Вольтеру. ... Миша не забыл за собой привычки – или же болячки – выпадать на миг из календаря, а иногда и Колю за собой тянуть – туда, где время катит вперед по-другому, а то и вспять.

Однажды в таком путешествии – кажется, подъезжая к вюртембергской границе майской ночью с соловьями и светляками – почудилось, что светляки сии один за другим начинают с большой высоты падать на него какими-то ревущими металлами. Показалось, что конца этому небесному реву не будет, но потом вспомнил про секунду времени и тут же вынырнул обратно в тишайшую ночь с соловьями и

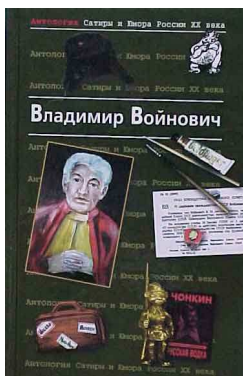
с совсем бесшумными световыми мухами. (...)

Философ всякий раз встречал гонца с распростертыми объятиями: «Какая радость видеть тебя вновь, мой милый обскурант! Какие парадоксы ты припас на сей раз в ответ на парадоксы просвещения?» Миша, а вернее, подполковник Земсков, маркиз де Отец, барон Анштальтский, выдавал что-нибудь вроде:

«Мой дорогой мэтр, всю дорогу к вам я думал о трех главных закланиях человеческих: о прошлом, настоящем и будущем. Принято думать, что мы сидим в настоящем, вспоминаем прошлое и движемся в будущее, не так ли? Между тем мы не успеваем осознать и единого мига из настоящего, как оно становится прошлым; стало быть, настоящего просто нет, не так ли? Будущее же существует только в наших мечтах, а в реальности оно тоже немедленно всем скопом превращается в прошлое, не так ли? Значит ли сие, мой мэтр, что из трех времен существует только прошлое, то есть единственное то, о чем мы хотя бы с долей уверенности можем сказать, что оно было?»

Вольтер хохотал, потирал руки: «Воображаю физиономию Дидро, ежели ему рассказать, о чем думают офицеры екатерининской гвардии!»

ВОЙНОВИЧ, ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ родился 26 сен-

тября 1932 в Сталинабаде (ныне Душанбе, Таджикистан) в семье учительницы и журналиста, после ареста которого в 1937 семья переехала в Запорожье. Мальчиком был колхозным пастухом; окончив ремесленное училище, работал на стройке, служил в армии. Проучившись полтора года в Московском педагогическом институте, отправился на целинные земли, где начал писать прозу. Работал пастухом, столяром, слесарем, авиамехаником, железнодорожным рабочим, инструктором сельского райисполкома, редактором Всесоюзного радио.

Еще в начале 1950-х годов, служа в армии, начал писать стихи. С текстом *Песни космонавтов* («Я знаю, друзья, караваны ракет...», 1960) к Войновичу пришла известность, подкреп-

ленная публикацией повестей *Мы здесь живем* (1961), *Два товарища* (1967) и др

Активная правозащитная деятельность Войновича (письма в защиту А.Синявского, Ю.Даниэля, Ю.Галанскова, позднее – А.Солженицына, А.Сахарова) сочеталась с работой над документальными повестями – исторической, о Вере Фигнер (*Степень доверия*, 1973), и о собственной злободневной борьбе с номенклатурной бюрократией за право купить кооперативную квартиру (*Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру*, 1976; в России опублик. в 1988).

В 1974 Войнович был исключен из Союза писателей СССР, печатался в «самиздате» и за рубежом, где впервые опубликовал и самое знаменитое свое произведение – роман *Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина* (1969–1975) с его продолжением – романом *Претендент на престол* (1979). Романы-«анекдоты», в которых на примере нелепых, смешных и печальных историй, происходящих с рядовым солдатиком Иваном Чонкиным, ассоциирующимся с образом «бравого солдата Швейка» из романа Я.Гашека, в гротескно-сатирической манере показаны истинная нелепость современного бытия – подавление «высшей» и не всегда понятной «низам» государственной необходимостью простых и естественных человеческих желаний и судеб,

В 1980 Войнович выехал за границу по приглашению Баварской Академии искусств, с 1981 лишен советского гражданства, живет в Мюнхене. С начала 1990-х годов часто приезжает на Родину, активно выступает как публицист (книга *Антисоветский Советский Союз*, 1985), проявляя и в этом жанре политический заостренный парадоксализм своего мышления. Эта черта, равно как и тяготение художественной манеры Войновича к «коллажности» и продуктивному эклектизму, отразилась и в романе-антиутопии *Москва 2042* (1987), показавшем доведенную до абсурда воображаемую советскую действительность 21-го века.

В. Войнович - член Русского ПЕН-центра. Профессор Принстонского ун-та, член Баварской академии изящных искусств, почетный член Общества Марка Твена (США). Был членом редколлегии журнала "Столица" (1991), член редколлегии аль-

манаха “Кольцо А” (с 1994); лауреат Премии Баварской Академии искусств (1993), фонда “Знамя” (1994), “Триумф” (1996), Гос. премии РФ (за роман «Монументальная пропаганда», 2000) премии им. А.Д.Сахарова “За гражданское мужество писателя” (2002).

Неоднозначно воспринимаемые читателями и критикой и порою обвиняемые в «антипатриотическом» нигилизме произведения Войновича, продолжающие сатирические традиции отечественной литературы (Н.В.Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, М.А.Булгаков) и одновременно впитавшие достижения современной мировой антиутопии, гротескной социально-обличительной прозы (О.Хаксли, Дж.Оруэлл), являют собой характерный для 20 в. пример успешной философско-политической актуализации беллетристики.

Из романа «Монументальная пропаганда»

Пролог

(...) Я немедленно отправился в Долгов, поселился в бывшем Доме колхозника, ныне гостиница “Континенталь”, и прожил там недели две, опрашивая разных людей, которые знали хоть что-нибудь о последних годах Аглаи, или Оглашенной, Оглоедки, — ее имя люди по-разному переиначивали, приспособливая к характеру. Предыдущая ее биография была мне хорошо известна. Часть ее я изложил в “Чонкине” и в “Замысле”. Повторяться не буду, но кратко напомним: будучи комсомолкой, юной и страстной, подправила документы, прибавила себе лет пять или больше и с головой окунулась в классовую борьбу. Верхом, в кожанке и с наганом носилась по здешней округе, богатых раскулачивала, бедных загоняла в колхозы. Потом заведовала детским домом, вышла замуж за секретаря райкома Андрея Ревкина, которым впоследствии пришлось пожертвовать ради высокой цели. Осенью 41-го года при входе в Долгов немецких войск Аглая взорвала местную электростанцию, откуда ее муж, закладывавший заряды, не успел выйти. “Родина тебя не забудет!” — крикнула она ему по телефону и сомкнула концы проводов.

Во время войны Аглая Степановна командовала партизанским отрядом, что было отмечено двумя боевыми орденами. После войны сама была секретарем райкома, пока ее не “съели” более хищные товарищи. Она вернулась на место довоенной деятельности и опять заведовала детским домом имени Ф. Э. Дзержинского. Где в феврале 1956 года ее и застало историческое событие, с описания которого пойдет наш рассказ.

Часть первая

Уплотнение

1

В феврале 1956 года, в день окончания XX съезда КПСС в Долговском районном Доме железнодорожника местному партактиву читали закрытый доклад Хрущева о культе личности Сталина. (...)

Вернувшись домой, Аглая не могла найти себе места. Нет, не преступления Сталина, а критика его, вот что больше всего ее потрясло. Как они смели, как они смели? Она ходила по всем трем комнатам своей квартиры, хлопала себя маленькими жесткими кулачками по маленьким жестким бедрам и повторяла вслух, обращаясь к невидимым оппонентам: Как вы смели? Кто вы такие? На кого подняли руку? (...)

В Бога небесного она не верила, ее земным Богом был Сталин. Его портрет, знаменитый, с раскуриваемой трубкой и зажженной спичкой у слегка опаленных усов, с довоенных времен висел у нее над письменным столом, во время войны кочевал с нею по партизанским лесам и вернулся на свое место. Скромный портрет в простой липовой рамке. В минуты сомнений относительно своих наиболее драматических поступков Аглая поднимала глаза к портрету, и товарищ Сталин, слегка прищурясь, с доброй мудрой усмешкой как бы внушал ей: да, Аглая, ты можешь это сделать, ты должна это сделать, и я верю, что ты это сделаешь. Да, ей приходилось в жизни принимать трудные решения, жесткие и даже жестокие по отношению к разным людям, но делала она это ради партии, страны, народа и будущих поколений. Сталин учил ее, что ради высокой идеи стоит пожертвовать всем и нельзя жалеть никого. (...)

33

(...)

Трактор надвигался на Аглаю, она стояла на месте, сцепив зубы и

сжав кулаки. Трактор остановился. Водитель его Слава Сироткин высунулся из кабины и, прикрывая лохматую голову от дождя брезентовой рукавицей, поинтересовался у Аглаи, не из дурдома ли она, часом, сбежала. Аглая подошла сбоку и, кивая на волочимое трактором, спросила:

- Ты куда это тащишь?

- Чего? – спросил Сироткин.

- Ты понимаешь, кого ты тащишь? – перекричала она шум двигателя.

- А кого? – Сироткин втянулся назад в кабину и достал из-за уха заложенную туда про запас папиросу.

- Ты понимаешь, что это Сталин?

- А кто же? Ясное дело, он.

- Ну и куда ж ты его тащишь?

- Велели на станцию оттаранить, - сказал Сироткин, закуривая. – А там, должно, отправят на переплавку. Металл стране ужасно нужен для космоса.

- Металл? – возмутилась Аглая. – Это тебе разве металл? Это же памятник товарищу Сталину. Мы его всем народом возводили. Мы его ставили, когда у людей не было хлеба и нечем было кормить детей. Мы себе во всем отказали, чтобы его поставить сюда. А ты его волочишь по грязи, как чушку какую. И не стыдно тебе?

(...)

Сироткин снова взялся за рычаги, но Аглая опять стала перед трактором. ...

- Слушай, сынок, - сказала ему нежно Аглая, - а что, если...

(...)

Впереди шел трактор, за ним волокалась статуя, за ней двигался автокран. Дотащили статую до окна, бросили. Сбежались, конечно, жильцы, стали смотреть, что будет. Оказалось, речь идет о внесении монумента в квартиру Аглаи. Габариты позволяли. У статуи рост два с половиной метра, а потолки у Аглаи – три метра десять сантиметров. ... во второй половине того дня чугунный Генералиссимус с помощью автокрана, четырех рук и за четыре бутылки водки был поднят, втащен через окно и установлен в гостиной Аглаи Ревкиной, в углу между двумя окнами, из которых одно выходило на юг во двор, а второе смотрело на восток на автобазу на улице Розенблюма.

Часть вторая

С песнями борясь и побеждая

3

(...)

С осени 1961 года у многих жителей Долгова, а точнее – у всех, появилось ощущение, что в жизни города и района что-то непоправимо нарушилось. Памятник снесли – словно из колеса выдернули ось. Не стало центра, вокруг которого все вращалось. Пока Сталин стоял на месте, он был незыблемым ориентиром и в буквальном топографическом, и в ином, метафизическом, смысле. (...) Говорят, что именно с тех пор дети стали меньше слушать родителей, упала дисциплина, возросло количество аборт и преступлений, связанных с посягательством на жизнь. Честь и имущество граждан. (...)

А что касается статуи Сталина, то о ней в городе распространялись слухи, один другого нелепее. Жившие под Аглаей соседи точно слышали: кто-то тяжелый ходит ночами на втором этаже. Слышны шаги, скрипят балки, качается люстра, и штукатурка сыплется с потолка. Потом кто-то видел фигуру, бродившую в сумерках по пустырю. (...) Говорили, что кто-то где-то встречал Его (имя встреченного люди старались не называть) то в железном виде, то в обыкновенном, вроде он расспрашивал, как живут в районе простые люди, не притесняет ли их начальство и само не слишком ли жирно живет. Бывали и такие свидетельства, что каждый раз в полнолуние статуя взбирается на пьедестал и стоит там с поднятой рукой, но немедленно исчезает, растворяется в воздухе, как только приблизится к ней живой человек.

Часть пятая

Праздник на нашей улице

18

(...)

Аглая поняла, что все это ей снится, что надо проснуться — и все пройдет. Чудовишным усилием воли она разлепила глаза и увидела, что явь даже страшнее сна. За окном что-то сверкало, гремело, свистело, трещало. Пылала нефтебаза, горела, падая, большая сосна, горел и падал электрический столб. Бенгальским огнем рассыпались сомкнувшиеся провода, светился экран телевизора, и горел сам телевизор. Стекла изо всех окон летели внутрь и сверкали рассыпавшимся по полу калейдоскопом, а Сталин, но не живой, а железный, стоял

посреди стихии и, раскачиваясь из стороны в сторону, пел “Сердце красавицы”. Весь он при этом дрожал и качался, видно было, что рвется, но не может сдвинуться, какая-то сила держит его на месте. Он не может справиться с силой и надеется одолеть ее песней “Сердце красавицы”. “Сердце красавицы”, — пропел он в очередной раз, и как бы в ответ на его усилия что-то вдруг ухнуло, громыхнуло, свет ярче прежнего брызнул в глаза, и дом закачался. Сталин сдвинулся к места и пошел прямо к Аглае вместе с плитой, к которой он был приварен. Пошел вперевалку, подминая под себя стекла, которые под ним хрустели, звенели, разлетались белыми брызгами. А он все шел и шел, упорно, грозно, неумолимо. Аглая вдруг поняла, что он идет к ней, чтобы взять ее как женщину, и сама вспылала безумной ответной страстью. Она приподнялась на подушке, она растопырила худые руки и ноги в разные стороны, всю себя растопырила и сказала тихо, но страстно: “Иди ко мне! Ну, иди, иди, ну иди же!” И он шел к ней, качаясь и дрожа неуголимой дрожью от какой-то бушевавшей внутри его бешеной силы. Он шел. Стекла летели ему в лицо, свет слепил ему глаза, из глаз летели огненные струи, как будто с помощью их он хотел увидеть Аглаю. “Ну иди же, миленький! Иди ко мне, мальчик мой!” — заклинала она. Перед самой ее кроватью он, словно засомневавшись, остановился. И даже качнулся назад так сильно, что чуть не грохнулся навзничь. Уже чугунный затылок почти что коснулся пола, но неведомая сила удержала его, подняла, выпрямила, подбросила к потолку, опустила на место. Он опять задрожал-задрожал и с криком “Сердце красавицы!” обрушился на Аглаю, и она приняла его всем своим растопыренным телом.

Звучала песня, гремели взрывы, звенели стекла, ломались, стукались, коржились балки потолочного перекрытия, внутри Аглаи что-то хрустело. Она не поняла, что это хрустят ее же кости.

— А-а! — завопила она, испытывая ни с чем не сравнимое буйное чувство, такое острое, какого никто никогда не изведывал.

И из груди ее вырвалось пламя.

БИТОВ, АНДРЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ. Родился 27 мая 1937 в

Ленинграде, в семье архитектора. Во время блокады был эвакуирован на Урал, затем в Ташкент. В 1955–1962, с перерывом на службу в армии, учился в Ленинградском горном институте. Работал буровым мастером в геологических экспедициях.

Начал писать в 1956. Первая публикация состоялась в 1960 – в альманахе «Молодой Ленинград» был издан рассказ *Бабушкина пиала*. Первый сборник рассказов *Большой шар*

(1963) был осужден официальной критикой в газете «Известия» «за чрезмерную приниженность и растерянность героев». Однако книги Битова продолжали выходить, в 1965 он вступил в Союз писателей СССР, в 1967 – окончил Высшие сценарные курсы при Союзе кинематографистов СССР в Москве.

В рассказах 1960-х годов главным героем Битова был человек, «не совпадающий» с действительностью по причинам не идеологическим, а экзистенциальным. В этом смысле он отличался от литературных персонажей большинства писателей-«шестидесятников». Наиболее характерный битовский персонаж того времени – Монахов из произведения «*Улетающий Монахов*», жанр которого был определен автором как «роман-пунктир». Главный герой романа Монахов чувствует «полную растерянность перед мутностью и неясностью собственных ощущений», но автор не осуждает его за это. Битов считает, что сомнение в себе естественно для человека и свойственно героям русской классической литературы.

В 1960–1983 Битов написал «*Книгу путешествий*» – семь произведений, описывающих его поездки в Башкирию, Среднюю Азию, на русский Север, в Армению и Грузию. Глубокое художественное осмысление российской истории и современности воплощено Битовым в романе «*Пушкинский дом*» (1971, опубл. 1978 в США). Частью действительности является в *Пушкинском доме* русская литература. С нею связано и название романа: «и русская литература, и Петербург (Ленинград), и Россия – все это, так или иначе, Пушкинский дом без его курча-

вого постояльца». Личность Пушкина постоянно привлекает творческое внимание Битова. О Пушкине написана книга новелл и эссе *Вычитание зайца* (1993), новелла *Фотография Пушкина* (1985) и др.

Обширная эссеистика Битова посвящена разнообразным темам истории и современности: гласности (*Две заметки периода гласности*, 1989), падению Берлинской стены (*Берлинское небо*, 1990), творчеству Набокова (*Угольное ушко, или Страсбургская собака*, 1993) и др.

В 1979 Битов стал одним из авторов бесцензурного литературного альманаха «Метрополь». После этого его перестали публиковать в СССР, он стал «невъездным», его произведения издавались в Западной Европе и в США. Новые публикации на родине стали возможны только с началом перестройки в 1985.

С 1991 Битов – президент русского Пен-клуба. **Награжден Орденом искусства и литературы Французской Республики, а также несколькими международными премиями, среди которых Пушкинская премия (ФРГ). Лауреат Государственной премии России. В 2006 году Андрей Битов стал лауреатом Бунинской премии. Победу писателю принес посвященный Санкт-Петербургу сборник произведений «Дворец без царя».**

Из эссе "В лужицах была буря..."

(Мания последования)

0

27 мая 2003 года Санкт-Петербургу исполнится 300 лет. Как потомственный петербуржец, урожденный ленинградец и блокадник, я воспринимаю это на свой счет. Приобретя некоторую амбицию в рассмотрении отдельно взятых пушкинских годов ("Предположение жить, 1836" и "Вычитание зайца, 1825"), решил я поторопиться к дате, присоединив к своей "пушкиниане" и 1833 год, поскольку в 2003-м исполняется также и 170 лет "Петербургской повести", дата, в меру круглая. ...

(...)

3

"А вот что окончательно и навсегда непонятно: как это у наших

классиков выходило... От Пушкина до Блока — все непонятно как. Как можно было "Медный всадник"!.. Ума не приложу.

На берегу Варяжских волн / Стоял глубокой думы полн / Великий Петр. Пред ним катилась / Уединенная (река?).

Однажды близ пустынных волн / Стоял задумавшись глубоко / Великий муж. Пред ним широко / Неслась пустынная Нева.

Однажды близ Балтий<ских> волн / Стоял задумавшись глубоко / Великий царь. Пред ним широко / Текла пустынная Нева / (и в море) Челнок рыбацкий одиноко.

На берегу пустынных волн / Стоял задумавшись глубоко / Великий царь. Пред ним широко / (Неслась Нева). Текла Нева — Смиренный челн / На ней качался одиноко.¹

"...По ней стремился одиноко..."

Что за удивительная ощупь! Нет, это не поиски слова. Это извлечение из... Откуда? Из чего-то сплошного, что представало поэту. Ни одно слово не совпадает в первом варианте первой строфы с конечным вариантом. Кроме разве точки посреди третьей строки, вокруг которой, как вокруг оси, и крутится водоворот вариантов. До чего же похоже на саму воду, на саму Неву!..

Еще потоптался:

Сосновый лес (по) берегам / В болоте — бор сосновый

Тянулся лес по берегам / Недостигаемый для солнца

И вдруг пошло! Как по писаному...

Чернели избы здесь и там

Приют убогого чухонца

Да лес неведомый лучам

В тумане спрятанного солнца

Поэма как бы не пишется — она проступает, словно она уже была, а Пушкин ее лишь достал оттуда. Откуда?

Головокружительно последовательное чтение черновиков поэмы. Она приподнимается, она растет, она проявляется (как фотопластинка, не при Пушкине будь сказано) — не последовательно слово за словом, строка за строкой, а — вся целиком, своим рождением еще раз повторяя рождение города и затопление его: И всплыл Петрополь как Тритон / По пояс в воду погружен.

Единство формы и содержания достигает

такой степени, что уже непонятно, что чему подобно: едино так, что волну от строки не отличить. И не только потому, что сами мы тому не свидетели, все было именно так, как написал Пушкин. Как свидетелю и ему не повезло: и то вековое наводнение (1824), которому он мог быть свидетелем, которое могло бы его навести на опыт и на мысль, он "пропустил" — его наблюдал Мицкевич. Точна судьба! Конечно, Пушкин много "знал" и много "думал" до поэмы. И про Петра, и про Петербург, и про Россию, и про Стихию... Но как очевидно, что поэма подступала к нему не в виде накопленных впечатлений, мыслей и строк, а неразличимой, угрожающей, точной, немой массой, неким телом, уже бывшим вовне, уже существовавшим, требовавшим лишь непосильного воплощения.

И вот еще один признак истинной художественности произведения — его не могло не быть, когда оно уже есть. Немыслимы ни мы, ни что без этого. Никакой взаимозаменяемости. "Медный всадник" существует в этом мире на правах не предмета, а сущего — деревьев, облак, рек. Без него нельзя, нелепо, не... Без него мы не мы, себя не поймем. Он входит как кровь в историю и как история в кровь".

("Битва", 1982)

Возможно, это уже был момент, когда я почти понял КАК. Благодаря изданию поэмы в "Литературных памятниках", где все существующие слои ее оказались напечатанными последовательно, что и позволило представить себе ВСЮ поэму исходящей из ТОЧКИ. "...текла Нева. Смиранный челн..." Это уже не Лева, а я сам додумался... Сдаваясь перед непостижностью поэмы, я упираюсь в мечту о некоем "сидироме", где все слои поэмы проявились бы сквозь друг друга на экране, как в моем мозгу, проявляясь от 6 октября 1833 года в окончательный текст. Думаю, именно непостижность стала бы доступной.

4

Цепочка преследования разрасталась. Петр-Петербург-Фальконет-Пушкин-бедный Евгений-я сам... Тайна первого петербургского текста лишь углублялась. В 1969 году я задумал отправить потомка своего героя на времялете из 2099 (в канун 300-летия) в пушкинскую эпоху подглядеть, как это делалось...

"Впереди слабо светилось окно. Там, за ним, писался сейчас "Медный всадник"! <...> Да, горела свеча... да, лежал на крошечной

коечке человек и так стремительно писал, будто просто делал вид, будто проводил волнистую линию за линией, как младенец... Как причудливо был он одет! В женской кофте, ночном колпаке, обмотанный шарфом... Но это был не Пушкин! Младенец был бородат и время от времени свою бородку оглаживал и охаживал, а потом снова проводил свою волнистую линию по бумаге".

("Фотография Пушкина", 1985)

Слишком просто! Но об этом и был рассказ, что попытка узнать, как Пушкин написал поэму, столь же доступна, как и попытка его сфотографировать.

(...)

МАКАНИН, ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ родился 13 марта

1937 в Орске. Окончил математический факультет Московского государственного университета, работал в лаборатории Военной академии им. Дзержинского. После окончания Высших курсов сценаристов и режиссеров при ВГИКе работал редактором в издательстве «Советский писатель». Вел семинар прозы в Литературном институте им. А.М.Горького.

Первая повесть Маканина *Прямая линия* (1965)

была положительно встречена критикой, но объектом пристального внимания исследователей его творчество стало только в середине 1970-х годов, когда писатель уже издал тринадцать книг прозы. Критики называли Маканина одним из самых значительных представителей т.н. «поколения сорокалетних».

Прозаик не давал оценок поступкам и характерам своих героев. Его типичным персонажем был человек из среднего слоя общества, поведение и круг общения которого полностью соответствовали его социальному положению. По мнению критика Л. Аннинского, промежуточность героев определяла авторский «язык, отвечающий теме». В этом смысле наиболее типичен герой повести *Антилидер* (1980) Толик Куренков. Владеющая им «сила усредненности» заставляет его испытывать неприязнь к людям, которые так или иначе выделяются из привыч-

ной ему бытовой среды, и в конце концов приводит его к гибели. «К некой срединности и сумме, которую и называют словами «обычная жизнь», приходит и главный герой рассказа *Ключарев и Алимускин* (1979).

Однако Маканина интересует не только положение человека в социуме. Ему присуще «зрение, внимательное одновременно и к человеческой социальности, и к духовному зерну» (И.Роднянская). Так, герой рассказа *Голубое и красное* (1982), «человек барака», сознательно культивирует в себе черты индивидуальной выразительности, с детских лет пытается постичь тайну не барачного, а личностного существования.

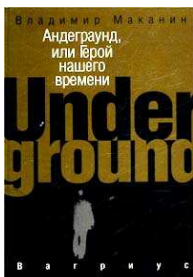
В повестях *Голоса* (1982), *Предтеча* (1982), *Где сходилась небо с холмами* (1984), рассказах *Река с быстрым течением* (1979), *Человек свиты* (1982) Маканин изображает несколько ситуаций, в которых, «потеряв на миг равновесие, человек обнаруживался, выявлялся, очерчивался индивидуально, тут же и мигом выделяясь из массы, казалось бы, точно таких же, как он».

Создание типажей и размышления о природе человеческой усредненности в рассказе *Сюжет усреднения* (1992) приводят писателя к выводу о том, что «растворение всякой индивидуальности в средней массе тем или иным способом – это даже не тема и не сюжет, это само наше бытие». Исследование социальных типов, свойственное для творчества Маканина, ярко выражено в повести ***Стол, покрытый сукном и с графином посередине* (1993), за создание которой прозаик получил Букеровскую премию.** Рассказ *Кавказский пленный* (1998) посвящен болезненной теме взаимного притяжения и отталкивания русского и кавказца, приводящего их к кровавой вражде. Кавказская тема затрагивается и в романе *Андеграунд, или Герой нашего времени* (1999). Вообще же в этом произведении создается образ и тип человека из того социального слоя, который Маканин определяет как «экзистенциальный андеграунд». Главный герой романа, Петрович, – писатель без книг, сторож чужих квартир – принадлежит к человеческой общности, которую автор назвал в романе «Божьим эскортом суетного человечества».

Для творчества Маканина характерно «социальное челове-

коведение» (И.Роднянская), позволяющее прозаику создавать выразительные современные типажи. Его произведения переведены на десятки языков, широко издаются за рубежом, **он лауреат Пушкинской премии (ФРГ), Государственной премии России и др.**

Из романа «Андеграунд, или герой нашего времени»

(...)

Они проговаривали сотни историй: то вдруг с истовой, а то и с осторожной правдивостью вываливали здесь, у меня, свой скопившийся слоеный житейский хлам. “Заглянуть к Петровичу” — вот как у них называлось (с насмешкой, конечно; в шутку). “Пришел исповедоваться?” — ворчливо спрашивал я (тоже шутя). Пробуя на мне, они, я думаю, избавлялись от притаенных комплексов, от предчувствий, да и просто от мелочного душевного перегруза. На Западе, как сказал Михаил, психиатры драли бы с них огромные суммы. А я нет. А я поил их чаем. Иногда водкой. (Но, конечно, чаще являлись с водкой они, с бутылкой.) Так что я был нужен. Нужен как раз и именно в качестве неудачника, в качестве *вроде бы писателя*, потому что престиж писателя в первые постсоветские времена был все еще высок — так раздут и высок, что, будь я настоящим, с книгами, с фотографиями в одной-двух газетенках, они бы побоялись прийти, позвонить в мою дверь даже и спьяну. (А если бы, отважась, пришли, говорили бы газетными отрывками.)

Часто о политике (особенно в зачин): “Ну что *там*?” — спрашивает — и кивок головой наверх; игривый кивок, пока, мол, он три дня пьянствовал, я ведь мог успеть смотаться в Кремль и поболтать *там* со скучающим Горби. О ценах, конечно. Я нехотя отвечал. Потом о жене. О детях. О суке начальнике. О плохо стоящем члене (на свою жену — слушай, это *волнами* или уже навсегда?). О соседях. О Солженицыне. О магазинах на Западе и у нас. О Крыме — опять выворот в политику, — побежали по кругу. Но поскольку ко мне пришли, и как-никак вечер, гость с исповедью, я всегда их терпел и выслушивал. (Не испытывая от их пьяненького доверия ни даже малой гордо-

сти.) Знал, конечно, что за глаза по некоему высшему своему счету они меня презируют. Они трудятся, а я нет. Они живут в квартирах, а я в коридорах. Они если не лучше, то во всяком случае куда надежнее встроены и вписаны в окружающий, как они выражаются, мир. Да и сам мир для них прост. Он именно их и окружает. Как таз. (С крепкими краями по бокам.) Подчас разговор — вялая вата, туфта, мой собеседник бывает что и глуп, косноязычен, но даже в этом (напряженном для меня) случае на душе у него в итоге заметно теплеет. Чем я его так пригрел, для меня загадка. Разве что по времени он выговорился, а по ощущению — освободился. Улыбается. Готов уйти. Он свое получил и сейчас унесет с собой. Что именно? — он тоже не знает, но как-никак полученное тепло при нем. Теперь я не нужен. Мой гость встает уйти и — у самых дверей — вдруг радостно вспоминает, что в общем я говно, неработающий, нечто социально жалкое, сторож.

— Так и живешь в чужих стенах? — говорит он, качая головой и уходя. Этот запоздалый плевок (самоутверждения) — его неловкая плата за мою готовность выслушать его накопившиеся житейские глупости.

(...)

Возле лотка с овощами замер нерешительный общажник, это Гурьев. (*Инженер*. В прямом, а также в переносном смысле.) Стоит, хлопает глазами.

Кавказец-продавец с размаху воткнул перед ним нож в деревянный стол. Звук резкий. (Может, кого из кавказцев все-таки побили?) Напряженность материализовалась: вбитый с маху нож засел в дереве стола — подрагивает и бьется. Дребезжит.

Продавец (его голос) заметно агрессивен:

—...Ты правда инженер? А что ж так испугался? Ножа испугался?.. Да я его просто воткнул, чтоб посмотреть.

Подмигивает своим, кавказцам:

— Я подумал, не забыл ли я его дома.

Смех.

— Я не испугался, — неловко (и отчасти растерянно) объясняется Гурьев, на людях безлик и сер. Из 473-й. С вынутой из кармана авоськой (по пути с работы, жена велела!).

Воткнутый нож дребезжит. Наш инженеришка хочет показать, что он в порядке, но тем зримей, тем заметней его растерянность.

— Испугался, испугался, дорогой!.. Бледный, смотри какой. Лоб совсем бледный стал — белый!

Трое кавказцев (стоят у лотка) забавляются его испугом. Но смеются они тоже с некоторой напряженностью. На них словно давит некий известный им факт. (Кого-то побили?..)

— Да погоди, не спеши! посмотри, дорогой, какие баклажаны! Ты никогда в жизни таких не видел!

— Цена... Цена не подходит, — мнется, хочет уйти. И в то же время Гурьев уйти не в силах. (Я почувствовал себя на его месте.)

— А я сбавлю цену. Сбавлю. Не торопись!.. Нельзя так пугаться ножа, я его просто вынул, хотел посмотреть.

Все трое опять засмеялись. И (типично!) стоявшие там и тут покупатели, в основном наши общажники, тоже в подхват развеселились. Женщины и мужчины, пестрый люд, смеются — забавно, забавная шутка! Разве, мол, мы не знаем, что шутка!.. А он стоял, улыбался. Да, да, этот клятый инженеришка, мое прошлое, моя боль, полупридуманный страдальческий тип, который во мне столько лет молча отыгрывался, — теперь он им всем улыбался. Ему нет перемен. Вечный. С длящейся мукой на лице. Не столько, отметим, мукой страха, сколько мукой неожиданности с ним (и с нами всеми) происходящего. С мукой неготовности (мукой неспособности себя ни скрыть, ни открыть), он — улыбался. То есть хотел и старался улыбаться. Уж это его старание! Эта улыбка... (...) Кавказцы смеялись, нож все еще дребезжал, уже тише, мельче.

И Гурьев, под звук, под мелкое дребезжание, все мялся на ватных, на застоявшихся ногах. Хотя бы без этой жалковатой, не дающей ему улыбки — не мог я ее видеть, а ведь видел, смотрел. И (тонкость!) я не уверен, что на моих губах в ту минуту не плавало точное подобие его улыбки, остаточная интеллигентская мимикрия *под всех*. Сколок улыбки той давней поры.

— Я пойду. Не... не подходит цена, — говорит наконец инженер Гурьев и уходит.

И еще машет зачем-то всем нам, смеющимся зевакам (всему человечеству), машет рукой — мол, так надо. Мол, он что-то вспомнил. Улыбка, и этот как бы с оправданием (и, конечно, тем меньше оправдывающий) невнятный взмах рукой российского интеллигента, кто его не знает. Уходит. Ушел.

(...)

К этой моей минуте я уже сидел на скамейке; одинокий мужчина, вне дел, слабо и вяло рефлектирующий к ночи. Ни души. А справа торчал знакомый фонарный столб, фонарь светил — оттуда направленно освещались деревья, весь наш общажный скверик. (...) Кавказец подошел, сел рядом. Он даже не потрудился меня поугаать, толкнуть, скажем, рукой в грудь или схватить для начала сзади за ворот. (Он не был из тех, что куражились у прилавка в середине дня.) Нет—нет, этот человек не колебался: он уже достаточно знал о суетных наших общажниках. Он просто сказал, что если у меня есть деньги и курево, чтобы я отдал ему то и другое. *Деньги. И курить*, — повторил он и коротко вздохнул, да, такой обычный вздох, мол, жизнь идет.

Я вынул купюры, их и было немного. Отдал из рук в руки. Отдал сигареты.

(...)

Он встал, чтобы уйти. А я глядел ему прямо в спину, в лопатку, думая о моем ноже в заднем кармане. (Уличный фонарь сверкнул мне в лицо. Фонарь и подсказал.)

А он опять сел, вынув из своего бокового кармана початую бутылку водки. Возможно, хотел выпить сидя, а не на ходу. (...) Я (инерция) все еще пребывал в длежащихся мыслях о брате и о моем самодостаточном “я”, которому нынче что—то сухо и никак не плачется (то бишь, не думается о вечном...). Но вот кольнуло: сначала о деньгах, утрату которых, конечно, переживу (что мне деньги — их всегда нет!) А вот каково будет пережить еще и униженность? Завтрашний спрос с самого себя, чем и как завтра оправдаюсь? — именно так, с будущей оглядкой думалось, притом что думалось без гнева, холодно и словно бы абстрактно. Я видел уже сразу отстраненно; как с высоты фонаря.

(...)

—...Пить — это, отец, просто. Совсем просто. А—а! Русский, говоришь?.. Ну, отец, ты только не спорь. Это уже все знают. Русские кончились. Уже совсем кончились... Фу, — произнес он слово, как—то по—особому меня зацепившее. (...)

И вот я медленно говорю:

— Но у меня тоже есть нож. — И тянусь, тянусь левой рукой в карман (обманиваю; и говорю правду). Не только, мол, у вас, южан — и тянусь, даже с кряхтеньем (хорошо это помню), тянусь и лезу в

пустой карман. Не только, мол, вы нож носите.

— Зачем тебе нож, отец? Смех самый. Нож носишь. А деньги отдаешь, ха... — он засмеялся.

И — шелк! — он тут же выхватил свой нож. Для чего? Дальше произошло слишком быстро. (По памяти. Возможно, реальность была медленней — не знаю.) Известно, что кавказцы владеют ножом хорошо. Как всякий тонкий в кости народ, не полагающийся на грубую (тягловую) физическую силу, они и должны владеть ножом, вполне понятно. Этот, на скамейке, тоже владел. Он мгновенно вынул нож, прямой боевой нож, — а я, тоже быстро, протянул к его ножу руку (левую, пустую), что, возможно, и заставило его замахнуться. Он бил мне под локоть и в локоть через рубашку (не бил в ладонь, боясь в ней завязнуть), подкалывал — бил болезненными колкими тычками. Так что я опередил его не ножом, не лезвием, заведенным заранее за его спину, я опередил знанием того, что должно произойти. Знание пришло, как вспышка. (Когда мне показалось, что заискрил фонарь.) Моя правая рука была за его спиной, и оттуда — ее нельзя перехватить — оттуда и случился удар. Прямо за лопатку. Воткнул, и так легко я попал, проник в область сердца, обнаружив там пустоту: нож вдруг провалился. Я словно бы обвел там ножом его сердце, со стороны. Три секунды. Четыре. Не больше. Он умер уже в первую секунду, мгновенно. Тело напряглось уже после. Тело выпрямилось, выбросив ноги вперед, и затем согнулось. (Крепкий, он обмяк лишь на чуть.) Расслабив ноги, уже не упирался каблуками в землю. Сидел, голову свесил.

Он лишь в первые полсекунды ойкнул, когда я вошел, провалился ножом под лопатку. Остальное без звука, без хрипа, все в тишине.

— Фук? — спросил я с протенькой интонацией, спросил, не усердствуя голосом, а только как бы легко, житейски укоряя его. Мол, сомневался, а?

(...)

Что случилось, то случилось. Я сожалею: мне жаль. Мне ведь и точно жаль, что я убил его, этого случайного человека (дорого с него взял за попытку ограбления — за попытку унижить меня, это точнее). Жаль и сожалею, но вот раскаяния... нет.

(...)

Вхожу и — тут же крик:

— О! О!.. Петроо-ович!

Здесь, у Курнеевых, еще переживают, помнят и даже переповторяют мой тост о переменах и о потрясениях — о полосе грядущих удач и о суровой уникальности нашего общажного человека. (Я уж забыл, помню только, что разобрало, что разгорячился — не ради них, ради Вени.)

— Выпьем, Петрович, за нас! за всех нас! — кричит Замятов, чокается, с полными стопками, с бокалами тянутся ко мне и все остальные. За общажную жизнь! — орет многоликое красноречее застолье. За время перемен и за нашу неменяющуюся уникальность! (Кричат, вопят, а я в запоздалом недоумении — неужели я изрекал эти залихватские, звонкие глупости? — ну, молодец!) Через час, однако, надо забирать Веню. Не дольше. Часа им будет довольно. Не знаю, как там Ася Игоревна и ее таланты — важно, чтобы в радостный этот день Веня побыл вместе с ней, побыл с женщиной: наедине с запахом ее гиацинтов. Мой вклад в терапию.

— Петрович!..

— Петро-оович, выпьем, друг ты наш этажный! (Многоэтажный! — шучу я. Разумеется, выпьем.) — Акулов, Замятов и басистый Красавин, повторяя, вновь и вновь выкрикивают запомнившиеся слова, обрывки моей импровизации, так удачно подверставшейся им под водку: да, да, за наше кончающееся уникальное совместное бытие, за наш остров, за нашу погружающуюся Атлантиду, в этом суть перемен, как же ты умен, как ты прав, Петрович! (В словах Петровича они теперь каждый раз находят все больше смысла.) О-оо, Петрович! наш Петрович со словом накоротке... когда говорил, у меня сердце ухало, умеет, ах, как ты сказал, дорогой ты наш, сукин ты наш сын!..

Мне отчасти неловко (совестно?), что взрослые люди столь искренне раскрылись и обнаружили: с какой страстью, с болью вжились они в полупьяные мои слова! Никто нам лучше не сказал, Петрович! (Как мало вам говорили.) — Им сейчас кажется, что наша, то бишь *их*, коридорно-застольная общажность и впрямь немислимо высока, духовна и что именно здесь и сейчас мы, то бишь *они*, последние в мире — последние из людей, кто вместе. И кому дано некое последнее на земле общее счастье. Пусть даже ни за что дано. Пусть случайно. (Пусть даже по ошибке.) Но ведь дано, это мы, это наша жизнь, и мы ее еще застали: мы успели!

Однако меня уже раздражали мои же слова. И, как бывает ближе к вечеру, на спаде, неприятно кольнуло, а ну как и впрямь это лучшее,

что я за свою долгую жизнь им, то бишь *нам*, сказал.

ПЕТРУШЕВСКАЯ, ЛЮДМИЛА СТЕФАНОВНА родилась 26

мая 1938 в Москве. Окончила Московский государственный университет, работала редактором на телевидении. В середине 1960-х годов начала писать рассказы, первый из которых, *История Клариссы*, был опубликован в 1972. Пьеса *Уроки музыки* (1973) впервые была поставлена режиссером Р.Виктюком в Студенческом театре МГУ. Первая постановка на профессиональной сцене – пьеса *Любовь* (1974) в Театре на Таганке (режиссер

Ю.Любимов).

Действие пьес Петрушевской происходит в обыденных, легко узнаваемых обстоятельствах: в дачном домике (*Три девушки в голубом*, 1980), на лестничной площадке (*Лестничная клетка*, 1974) и т.п. Личности героинь выявляются в ходе изматывающей борьбы за существование, которую они ведут в жесточайших жизненных ситуациях. Петрушевская делает зримой абсурдность обыденной жизни, и этим определяется неоднозначность характеров ее персонажей. В этом смысле особенно показательны тематически связанные пьесы *Чинзано* (1973) и *День рождения Смирновой* (1977), а также пьеса *Уроки музыки* (1988).

Петрушевская показывает в своих произведениях, как любая жизненная ситуация может перейти в собственную противоположность. Поэтому выглядят естественными сюрреалистические элементы, прорывающие реалистическую драматургическую ткань. Литературовед Р.Тименчик считает, что в пьесах Петрушевской присутствует прозаическое начало, которое превращает их в «роман, записанный разговорами».

Проза Петрушевской так же фантасмагорична и одновременно реалистична, как и ее драматургия. Язык автора лишен метафор, иногда сух и сбивчив. Рассказам Петрушевской присуща «новеллистическая неожиданность» (И.Борисова). Так, в рассказе *Бессмертная любовь* (1988) писательница подробно описывает историю нелегкой жизни героини, создавая у читате-

ля впечатление, будто считает своей главной задачей именно описание бытовых ситуаций. Но неожиданный и благородный поступок Альберта, мужа главной героини, придает финалу этой «простой житейской истории» притчевый характер.

Персонажи Петрушевской ведут себя в соответствии с жесткими жизненными обстоятельствами, в которых вынуждены жить. Однако ни один из героев Петрушевской не подвергается полному авторскому осуждению. В основе такого отношения к персонажам лежит присущий писательнице «демократизм... как этика, и эстетика, и способ мышления, и тип красоты» (Борисова).

Стремясь создать многообразную картину современной жизни, цельный образ России, Петрушевская обращается не только к драматургическому и прозаическому, но и к поэтическому творчеству. Жанр написанного верлибром произведения *Карамзин* (1994), в котором своеобразно преломляются классические сюжеты (например, в отличие от бедной Лизы, героиня по имени бедная Руфа тонет в бочке с водой, пытаясь достать оттуда припрятанную бутылку водки), писательница определяет как «деревенский дневник».

В последние годы Петрушевская обратилась к жанру современной сказки. Ее *Сказки для всей семьи* (1993) и другие произведения этого жанра написаны в абсурдистской манере, заставляющей вспомнить *Алису в Стране Чудес* Л.Кэррола.

Рассказы и пьесы Петрушевской переведены на многие языки мира, ее драматургические произведения ставятся в России и за рубежом.

Л. Петрушевская – лауреат Пушкинской премии фонда А.Тепфера (1991), премии журналов “Октябрь” (1993, 1996, 2000), “Новый Мир” (1995), премии “Москва-Пенне” (1996), фонда “Знамя” (1996), им. С.Довлатова журнала “Звезда” (1999), премии «Триумф» (2002).

Тили-Бом, или Сказка о сказке

(...)

Я ехала по Дании в первый раз в жизни. Мне надо было добраться до города Орхуса из Копен-

гагена.

Что я искала в Копенгагене - конечно, музей Андерсена.

Долго бродила среди каналов. Был ветреный солнечный денек.

Музей был закрыт, разумеется.

Я шаталась вокруг, села на камень над взъерошенным, сверкающим каналом. Морской ветер крепко пах селедкой и вскрытым арбузом. Я чуть не плакала. Возвращаться не хотелось. Жизнь меня опять обидела, не пустила.

И тут надо мной нависла сказка про девочку, которая все время лила слезы.

Я пришла туда же в день отъезда. Был сильный дождь. Мне удалось попасть вовремя, слава тебе Господи.

Среди экспонатов зиял раскрытый сундучок, в нем лежала толстая веревка.

- Андерсен боялся пожара. Он всюду возил с собой веревку, - сказали мне.

(Я подивилась: надо же!)

Затем я села в поезд и поехала в Орхус.

В дороге я - делать было нечего - продолжала сочинять ту самую историю. Это была сказочка, тайно посвященная другой сказке - на первый взгляд, о капризной девочке-подростке, которая все плакала и плакала от обиды.

(В пятнадцать лет кто не плакал!)

И только я добралась до середины сказки, как объявили:

- Оденсе.

Здесь мне надо было выходить. Я специально попросила у своих хозяев насчет остановки в Оденсе. Они даже сказали, что меня там встретят.

На платформе стояла милая женщина, фея из сказки. Славистка из университета.

Мы пошли с ней бодрым шагом, она знала куда.

Стояла прохладная, солнечная морская погода.

(...)

Оказалось, там огромный сверкающий, как какой-нибудь Дворец съездов, музей (так мне показалось после тех домиков).

Мы шли прямо, мы вошли в зал.

Прямо, прямо.

А там была витрина.

В витрине стояла тетрадка в клеточку, раскрытая на середине.

Это была «Русалочка».

Я засмеялась и вытащила свою тетрадку в клеточку, раскрыла ее на середине.

Там была та самая половина сказки «Принцесса-белоножка».

(...)

...скоро я сидела в поезде и строчила в своей тетрадке продолжение сказки про принцессу, у которой были такие нежные ручки и ножки, что ей было больно ходить (если ее никто не любил).

Ведь кто любит, носит на руках, тили-бом.

(...)

Принцесса-Белоножка, или Кто любит, носит на руках

Жила-была младшая принцесса, и все ее любили. У нее были ручки как из лепестков роз, а ножки белые, словно лепестки лилии. С одной стороны, это было красиво, но, с другой стороны, уж очень младшая принцесса была нежная и чувствительная, чуть что - она плакала. За это ее не ругали, но такого поведения в семье не одобряли. «Нельзя так распускаться, - говорили мама, папа, бабушка и дедушка-король. - Надо держать себя в руках. Ты уже большая».

Но от этих слов младшая принцесса обижалась еще больше и опять принималась плакать.

Однако пришло время, и к младшей принцессе, как это и полагается, приехал принц.

Принц был высокий, красивый и ласковый. «Прекрасная пара!» - восклицали все вокруг.

Принц и принцесса много гуляли, даже танцевали, и принцесса - чего с ней никогда не случалось - плела на лужайке венки для принца и для себя, венки из васильков, которые были такие же синие, как глаза принца.

Принца и принцессу, как и полагается, обручили, то есть объявили женихом и невестой. На этом принц уехал в свое королевство.

А младшая принцесса осталась и принялась плакать. Все ее осуждали за такое поведение, даже вызывали врача. Врач побеседовал с принцессой и неожиданно назначил ей не успокоительные капли, как полагается в таких случаях, а таблетки от боли, потому что оказалось, что младшая принцесса надорвалась на этих танцах и прогулках и

стерла свои нежные ручки и ножки до крови.

Время шло, приближалась свадьба, а невеста все плакала и баюкала свои забинтованные руки и ноги, сидя в кровати. Она не могла ни ходить, ни держать в руках чашку с чаем, ее кормила и поила старая нянька.

(...)

...старая нянька взяла фотографии младшей принцессы и отправилась к колдуну. Оттуда она привезла загадочную фразу: "Кто любит, носит на руках".

(...)

... к принцессе стали приходить и брать ее на руки все по очереди. Что, конечно, было просто подвигом, особенно если учесть, что, например, бабушка-королева была дамой неопытной и ничего никогда не поднимала тяжелей бокала с вином. А мама-принцесса вообще не знала, с какого боку подойти к своей уже довольно тяжелой дочери - хрупкая-то хрупкая, но все-таки принцесса уже вышла из младенческого возраста, пятнадцать лет, шутка ли!

(...)

Стало быть, все носили младшую принцессу на руках, но она так и не вылечилась.

(...)

А принцесса сидела в своей спальне, и няня все время подбивала ее позвонить принцу, но принцесса не соглашалась, а только плакала, почему принц сам не звонит.

Наконец принц позвонил, и трубку держала сердитая няня, а сердилась она потому, что разговор продолжался два часа и няня проводила обед, и еще она сердилась потому, что младшая принцесса в течение всего разговора умудрилась ни разу не заплакать и даже много смеялась.

(...)

Разумеется, когда была назначена свадьба и приехал жених, все бинты были сняты, ни слова не было сказано ни принцу, ни младшей принцессе, и на вечер, как и полагается, был назначен бал.

Только для принцессы приготовили особо плотные перчатки и сапожки. И когда принцессу одели, она, разумеется, тут же перестала плакать и позволила себя причесать и вплести в косу белые розы.

(...)

Принц тем не менее пригласил принцессу на прогулку. Все пони-

мали, что после гулянья младшей принцессе уже не удастся выстоять целую свадебную церемонию, и поэтому принцу сообщили, что принцесса предпочитает конную экскурсию. Принц понял это буквально и прислал младшей принцессе свою арабскую кобылку, удалось только сменить поводья на шелковые. Выйдя во двор, принцесса попросила принца взять ее на руки и посадить в седло.

- Для этого есть слуги, - улыбаясь, сказал принц.

- Я прошу только вас, - сказала младшая принцесса.

- Что за капризы? - спросил, улыбаясь, принц и позвал слуг, которые вознесли младшую принцессу в седло, как пушинку, и дали ей в ручку шелковые поводья.

И они поехали.

Принц был мужественный и спортивный юноша, презиравший всякие слюни, вздохи и сантименты. Кроме того, он уже отдаленно был наслышан, что младшая принцесса слишком избалована и вообще неженка, и он решил начать ее воспитывать с нуля, еще до свадьбы.

Младшая принцесса по дороге в лес рассказала ему как самому близкому другу всю свою историю болезни вплоть до слов колдуна. Что это не капризы, а просто способ лечения - взять на руки.

Принц не поверил ни единому слову.

- Все это бабские глупости! - сказал он. Тогда принцесса остановила кобылку и с большим трудом стянула со своей маленькой руки перчатку. Принц увидел, отшатнулся и громко спросил:

- А почему? Почему меня не предупредили, что ты больная? У тебя, возможно, и дети будут больные! Больные наследники - это невозможно! Судьба государства, судьба королевства, нации, наконец!

И он, испуганный и взволнованный, так дернул поводья, что его конь взвился, сбросил с себя принца, а сам ускакал.

Принц лежал на лесной дороге без сознания, белый как мел, и изо рта его вытекала струйка крови.

Младшая принцесса слезла с лошадки, уговорами и лаской заставила ее прилечь на дорогу, а затем как могла приподняла принца и взвалила его на спину умной кобылки. После этого лошадь встала, неся на спине безжизненного принца, а принцесса взяла в руки поводья и повела лошадь обратно в замок.

(...)

Принц вскоре выздоровел и собрался уже в обратную дорогу вон из замка, где его обманули, подсунув негодную невесту.

Выводя своего буйного коня из конюшни, он встретил знакомого священника, который шел к воротам с чемоданчиком в руке. Священник поздравил принца с выздоровлением и сказал:

- А вы не остаетесь на похороны?

- Кто-то умер? - спросил принц.

- Наша младшая принцесса, - отвечал священник. - Я уже причастил ее, там остаются какие-то минуты.

- Она была совершенно больная, - со вздохом произнес принц, - даже врач от них, как говорят, отказался. Уехал.

- Вы тоже тяжело болели сейчас, - сказал священник. - Если бы она вас не подняла на руки и не взвалила бы на лошадь, сегодня отпели бы вас.

(...)

- Да, надо бы проститься, - смущенно пробормотал принц, отвел коня в конюшню и поднялся в покои младшей принцессы.

(...)

Привет! Вот я и выздоровел! А ты что валяешься притворяешься? А ну вставай, тебя тут держат как больную... А надо на солнце, на воздух, нужен спорт, движение!

Он отодвинул вскочившую злую няньку, схватил принцессу на руки, она оказалась легкая и тоненькая, и он понес ее как можно быстрее к окну, а сзади бежала и дергала его за куртку нянька:

- Она умерла, ты что, глухой?

Держа принцессу на одной руке, принц отодвинул тяжелую портьеру, быстро открыл окно и тут увидел, что младшая принцесса смотрит на него, широко открыв глаза.

- Что ты ее трясешь, ей уже глаза закрыли, - шипела нянька, добираясь до принцессы, но принц загородил спиной свою ношу и быстро поцеловал принцессу в губы - он где-то читал, что так можно оживлять принцесс.

- Поздно, поздно, - причитала нянька, - раньше надо было, дурак, упустил свое счастье, девочка была ласковая, послушная.

А принцесса внимательно смотрела на принца, широко открыв глаза, а потом моргнула и засмеялась.

А нянька за спиной принца ахнула и зашептала:

- Кто любит, носит на руках, кто любит, носит на руках.

Разумеется, вечером сыграли свадьбу, на балу принцесса танцевала, а за столом ела сама, как полагается, ножом и вилкой, и безо всяких перчаток.

ТОЛСТАЯ, ТАТЬЯНА НИКИТИЧНА родилась 3 мая 1951 в

Ленинграде в литературной семье (ее деды – писатель Алексей Толстой и переводчик Михаил Лозинский). В 1974 окончила отделение классической филологии филфака ЛГУ, после чего переехала в Москву. До 1983 работала в Главной редакции Восточной литературы при издательстве «Наука».

Активно печататься начала при советской власти. Первая публикация – рассказ *На золотом крыльце сидели...* появился журнале «Аврора» в 1983. Как критик дебютировала в том же году статьей *Клеем и ножницами*.

В середине 80-х написала и опубликовала в периодической печати около 20 рассказов (*Факир, Круг, Потеря, Милая Шура, Река Оккервиль* и др.) и повесть *Сюжет*.

Советская официальная критика отнеслась к прозе Толстой настороженно. Одни упрекали ее в «густоте» письма, в том, что «много в один присест не прочтешь». Другие, напротив, говорили, что прочли книгу взахлеб, но что все произведения написаны по одной схеме, искусственно выстроены. В интеллектуальных читательских кругах того времени Толстая пользовалась репутацией оригинального, независимого писателя. Герои ее прозы в основном – простые «городские чудики» (старорежимные старушки, «гениальные» поэты, слабоумные инвалиды детства...), живущие и гибнущие в жестокой и тупой мещанской среде.

Сама Т. Толстая говорит: «Мне интересны люди «с отшиба», т.е. к которым мы, как правило, глухи, кого мы воспринимаем как нелепых, не в силах расслышать их речей, не в силах разглядеть их боли. Они уходят из жизни, мало что поняв, часто недополучив чего-то важного, и уходя, недоумевают как дети: праздник окончен, а где же подарки? А подарком и была жизнь, да и сами они были подарком, но никто им этого не объяснил».

Толстую относят к «новой волне» в литературе, называют одним из ярких имен «артистической прозы», уходящей своими корнями к «игровой прозе» Булгакова, Олеси, принесшей с собой пародию, шутовство, праздник, эксцентричность автор-

ского «я».

С 1990 Т.Толстая несколько лет преподавала русскую литературу в США, пишет эссе, ведет передачи на телевидении. Появляются переводы ее рассказов на английский, немецкий, французский, шведский и др. языки.

В 1997 отдельной книгой (*Любишь – не любишь*) в Москве вышли ее рассказы, в 1998 – книга *Сестры*, написанная совместно с сестрой Натальей. В начале 2000-х переиздаются ее рассказы (*Река Оккервиль*, 2000, *Ночь*, 2001), выходит сборник публицистики Татьяны Толстой *День. Личное* (2001) и книга *Изюм* (2002).

В 2000–2001 выходит роман Толстой *Кысь* – о мутирующей после ядерного взрыва России. Страна, согласно роману, полностью деградировала: язык почти утрачен, мегаполисы превращены в убогие деревни, где люди живут по правилам игры в «кошки-мышки». Роман пропитан сарказмом, характеры героев выстраиваются в своеобразную галерею уродов.

Русскоязычные критики отнеслись к новой Толстой по-разному. Борис Парамонов, живущий в США, сравнивает ее литературную судьбу с судьбой Набокова и, вспоминая слова последнего о том, что «ангелы большие и сильные», называет роман «ударом крыла ангела». Российские критики к роману Толстой отнеслись не столь восторженно, нередко обвиняя автора в антипатриотизме, одновременно в той или иной степени признавая ее мастерство, о котором Борис Акунин отзывался так: язык Толстой «вкусный», «пальчики оближешь».

В 2001 Толстая получает приз XIV Московской международной книжной ярмарки в номинации «Проза», в том же году – престижную премию «Триумф».

Из романа «**Кысь**»

Бенедикт натянул валенки, потопал ногами, чтобы ладно пришлось, проверил печную вьюшку, хлебные крошки смахнул на пол – для мышей, окно заткнул тряпицей, чтоб не выстудило, вышел на крыльцо и потянул носом морозный чистый воздух. Эх, и хорошо же! Ночная вьюга улеглась, снега ле-

жат белые и важные, небо синее, высоченные клели стоят - не шелохнутся. Только черные зайцы с верхушки на верхушку перепархивают. Бенедикт постоял, задрав кверху русую бороду, сощурился, поглядывая на зайцев. Сбить бы парочку – на новую шапку, да камня нету. И мясца поесть бы неплохо. А то все мыши да мыши - приелись уже.

(...)

Бенедикт вздохнул: на работу пора; запахнул zipун, заложил дверь избы деревянным брусом и еще палкой подоткнул. Красть в избе нечего, но уж так он привык. И матушка, покойница, всегда так делала. В старину, до Взрыва, - рассказывала, - все двери-то свои запирали. От матушки и соседи этому обучились, оно и пошло. Теперь вся их слобода запирала двери палками. Может, это своеволие, конечно.

На семи холмах раскинулся городок Федор-Кузьмичск, родная сторона, и шел Бенедикт, поскрипывая свежим снежком, радуясь февральскому солнышку, любясь знакомыми улочками. Там и сям - черные избы вереницами, - за высокими тынами, за тесовыми воротами; на кольях каменные горшки сохнут, или жбаны деревянные; у кого терем повыше, у того и жбаны поздоровей, а иной целую бочку на кол напаялит, в глаза тычет: богато живу, голубчики! Такой на работу не пешедралом трюхает, а норовит в саях проехаться, кнутом помахивает; а в сани перерожденец запряжен, бежит, валенками топчет, сам бледный, взмыленный, язык наружу. Домчит до рабочей избы и встанет как вкопанный, на все четыре ноги, только мохнатые бока ходуном ходят: хы-хы, хы-хы.

А глазами так и ворочает, так и ворочает. И зубы скалит. И озирается...

Ай, ну их к лешему, перерожденцев этих, лучше от них подальше. Страшные они, и не поймешь, то ли они люди, то ли нет: лицо вроде как у человека, туловище шерстью покрыто, и на четвереньках бегают. И на каждой ноге по валенку. Они, говорят, еще до Взрыва жили, перерожденцы-то. А все может быть.

(...)

На семи холмах лежит городок Федор-Кузьмичск, а вокруг городка - поля необозримые, земли неведомые. На севере - дремучие леса, бурелом, ветви переплелись и пройти не пускают, колючие кусты за порты цепляют, сучья шапку с головы рвут. В тех лесах, старые люди рассказывают, живет кысь. Сидит она на темных ветвях и кричит

так дико и жалобно: кы-ысь! кы-ысь! - а видеть ее никто не может. Пойдет человек так вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! и хребтину зубами: хрусь! - а когтем главную-то жилочку нащупает и перервет, и весь разум из человека и выйдет. Вернется такой назад, а он уж не тот, и глаза не те, и идет не разбирая дороги, как бывает, к примеру, когда люди ходят во сне под луной, вытянувши руки, и пальцами шевелят: сами спят, а сами ходят. Поймают его и ведут в избу, а иной раз для смеху поставят ему миску пустую, ложку в руку вторнут: ешь; он будто и ест, из пустой-то миски, и зачерпывает, и в рот несет, и жует, а после словно хлебом посудину обтирает, а хлеба-то в руке и нет; ну, родня, ясно, со смеху давится. Такой сам ничего делать не может, даже оправиться не умеет: каждый раз ему заново показывай. Ну, если жене или там матери его жалко, она его с собой в поганый чулан водит; а ежели за ним приглядеть некому, то он, считай, не жилец: как пузырь лопнет, так он и помирает.

Вот чего кысь-то делает.

На запад тоже не ходи. Там даже вроде бы и дорога есть - невидная, вроде тропочки. Идешь-идешь, вот уж и городок из глаз скрылся, с полей сладким ветерком повеваает, все-то хорошо, все-то ладно, и вдруг, говорят, как встанешь. И стоишь. И думаешь: куда же это я иду-то? Чего мне там надо? Чего я там не видел? Нешто там лучше? И так себя жалко станет! Думаешь: а позади-то моя изба, и хозяйюшка, может, плачет, из-под руки вдаль смотрит; по двору куры бегают, тоже, глядишь, истосковались; в избе печка натоплена, мыши шастают, лежанка мягкая... И будто червь сердце точит, точит... Плюнь и назад пойдешь. А иной раз и побежишь. И как завидишь издали родные горшки на плетне, так слеза и брызнет. Вот не дать соврать, на аршин брызгает! Право!..

На юг нельзя. Там чеченцы. Сначала все степи, степи - глаза вывалятся смотреть, - а за степями чеченцы. Посреди городка стоит дозорная башня с четырьмя окнами, и во все четыре окна смотрят стражи. Чеченцев высматривают. Не столько они конечно, смотрят, сколько болотную ржавь покуривают да в палочку играют. Зажмет кто-нибудь в кулаке четыре палочки: три длинных, одну короткую. Кто короткую вытянет - тому щелбан. Но бывает, и в окошко поглядывают. Если завидят чеченцев, велено кричать: "Чеченцы! Чеченцы!", тогда народ со всех слобод сбежится, палками в горшки бить начнет, чеченцев страшать. Те и шуганутся подальше.

(...)

Нет, мы все больше на восход от городка ходим. Там леса светлые, травы долгие, муравчатые. В травах - цветики лазоревые, ласковые: коли их нарвать, да вымочить, да побить, да расчесать, - нитки прясть можно, холсты ткать. Покойная матушка на этот промысел непроворная была, все у нее из рук валилось. Нитку сучит, - плачет, холсты ткет, - слезами заливаается. Говорит, до Взрыва все иначе было. Придешь, говорит, в МОГОЗИН, - берешь что хочешь, а не понравится, - и нос воротишь, не то, что нынче. МОГОЗИН этот у них был вроде Склада, только там добра больше было, и выдавали добро не в Складские дни, а целый день двери растворены стояли.

Что-то не верится. Ведь это ж каждый забеги и хватай? Это ж сторожей не напасешься? Нас ведь только пусти: все разнесем до щепочки. А сколько народищу передавим? Ведь и в Склад идешь, - глазами по сторонам зыркаешь: кому что дали, да сколько, да почему не мне?

А и смотрим зря: больше положенного не унесешь. Да не очень-то на чужой талан и зазевывайся: мигом тебе Складские Работники накладывают тулумбасов-то по шее. Получил, мол, свое, - и проваливай! Не то и положенное отымем.

УЛИЦКАЯ, ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА родилась 23 февраля

1943 г. в Башкирии, где находилась в эвакуации ее семья. После войны Улицкие вернулись в Москву, где Людмила закончила школу, а потом и биофак МГУ. Людмила Евгеньевна два года проработала в Институте общей генетики АН СССР, откуда ее уволили за перепечатку самиздата в семидесятом году. С тех пор Улицкая, по ее собственному утверждению, никогда не ходила на государственную службу: она работала завлитом Камерного еврейского музыкального театра, писала очерки, детские пьесы, инсценировки для радио, детского и кукольного театров, рецензировала пьесы и переводила стихи с монгольского языка.

Публиковать свои рассказы в журналах Улицкая начала в конце восьмидесятих годов, а известность пришла к ней после

того, как по ее сценарию были сняты фильмы «Сестрички Либерти» (1990, режиссер – Владимир Грамматиков) и «Женщина для всех» (1991, режиссер – Анатолий Матешко), а в «Новом мире» вышла повесть «Сонечка» (1992). В 1994 это произведение было признано во Франции лучшей переводной книгой года и принесло автору престижную французскую премию Медичи. Во Франции же вышла и первая книга Людмилы Улицкой (сборник «Бедные родственники», 1993) на французском языке.

Роман «Медея и ее дети» был номинирован на Букеровскую премию и вошел в short list 1997 года.

В 2001 году за опубликованный в “Новом мире” роман “Путешествие в седьмую сторону света” (“Казус Кукоцкого”) Улицкая была удостоена Букеровской премии.

Произведения Людмилы Евгеньевны переводились на двадцать пять языков. Литературоведы называют ее прозу «прозой нюансов», отмечая, что «тончайшие проявления человеческой природы, и детали быта выписаны у нее с особой тщательностью. Ее повести и рассказы проникнуты совершенно особым мироощущением, которое, тем не менее, оказывается близким очень многим». Сама же Улицкая так характеризует свое творчество: «Я отношусь к породе писателей, которые главным образом отталкиваются от жизни. Я писатель не конструирующий, а живущий. Не выстраиваю себе жесткую схему, которую потом прописываю, а проживаю произведения. Иногда не получается, потому что выхожу совсем не туда, куда хотелось бы. Такой у меня способ жизни».

Публично изумляясь популярности своей прозы, Людмила Улицкая напоминает: «Мой любимый читатель – пожилая интеллигентная дама: учительница, библиотекарь, врач, научный работник». А критики (в частности, А. Цуркан), отмечая, что Улицкая – «признанный мастер в сфере бытописания, разработанной в отечественной современной литературе такими маститыми авторами, как Людмила Петрушевская, Татьяна Толстая и Виктория Токарева», неизменно подчеркивают, что в ее произведениях «всегда есть какой-то выход на философско-религиозный уровень, осмысление жизни, прорыв к вечному».

...И умерли в один день

(Рассказ)

Не декоративный завиток биографии, не случайная прихоть судьбы, не дорожная авария, на месте убивающая сразу мать-отца-двух детей и бабушку в придачу, а исполнение таинственного и фундаментального закона, который редко замечается по замусоренности жизни и по всеобщему сопротивлению верности и любви... Это правильно, праведно и справедливо, размышляла Любовь Алексеевна Голубева, врач-кардиолог с тридцатилетним стажем, над этим поразительным случаем... В отделении третью неделю лежала интеллигентная пожилая дама с пушистой головой, не достигшей еще полной белизны, в красивых очках на цепочке, в клетчатом халате — Перловская Алла Аркадьевна. Ее муж, круглый старичок с незначительным, в отличие от Аллы Аркадьевны, лицом, лысый, розовый, с малохольной улыбкой, по имени Роман Борисович, сначала просиживал часами под дверью реанимации, а когда Аллу Аркадьевну перевели в палату, он не пропускал ни минуты из разрешенного к посещениям времени, приходил с хозяйственной сумкой, наполненной мелкими баночками. И ел тут же, на больничной тумбочке, рядом с женой. Тихо-тихо переговаривались, почти неслышимо, и время от времени еще тише смеялись, глядя друг другу в глаза. Соседки тоже посмеивались: забавно было, что он приносит сумку продуктов и тут же, не отходя от ложа больной, большую часть и съедает. Не понимали они, что был он голоден, потому что не умел есть в одиночку, без жены.

Три раза заходила к Любви Алексеевне их дочь — уверенная красавица в смешной шляпке, которую она несла на себе с задором и вызовом. Не с улицы — директор школы, где учился внук Любви Алексеевны. Интересовалась ходом лечения. Мать перенесла инфаркт и теперь поправлялась.

Алла Аркадьевна умерла неожиданно, ночью, накануне выписки — тромбоз сонной артерии, не имеющий прямого отношения к ее основному заболеванию. Отделение было небольшое, со старым косяком человек в десять, со своими правилами, заведенными покойным Андросовым таким негибачаемым образом, что приходящие новые люди — и врачи, и санитарки — либо порядок этот принимали, начинали дорожить этим особым местом и не покидали его до пен-

сии, либо уходили, не выдерживая повышенных требований. И смерть пациента, не такое уж редкое событие в жизни кардиологического отделения, принималась сотрудниками хоть и профессионально, но почтительно, с сочувствием к родственникам, по-андросовски. Так было здесь поставлено.

Итак, умерла Алла Аркадьевна столь стремительно, сказавши одно только слово “Ромочка”, что дежурный врач даже не успел к ней, живой, прикоснуться. Первой, еще до десятиминутки, Любове Алексеевне рассказала об этом санитарка Варя, она работала в отделении чуть не с рождения, знала в старой больнице каждый угол-закоулок, кошку-собаку, а это отделение и было ее родным домом... Она была некрасивая, с родимым пятном в пол-лица, уже немолодая богомолка, сохранившаяся с прежних времен, а не вновь образовавшаяся. Была у нее своя тайная жизненная роль, о которой Любове Алексеевне было известно: Варя подавала заупокойные записочки по всем больничным покойникам, а некоторым, избранным, в старые времена заказывала и отпевание.

Новую покойницу уже отвезли в морг, на свидание с последним специалистом, с патологоанатомом. Варя перестелила постель, — освободилось место, и старшая медсестра уже звонила сообщить об этом: к ним в отделение стояла очередь.

Посетители тем временем ожидали исполнения одиннадцати часов, когда охранник открывал для них дверь. Роман Борисович поставил сумку на скамью, вынув из нее две голубых синтетических бахилы разового пользования, которые он аккуратнейшим образом пользовал третью неделю, нагнулся, чтобы натянуть их на сандалии, и ткнулся лицом в пол.

Дочери позвонили в девять утра с сообщением о смерти матери. Она просила отца не звонить, собралась и к нему поехала — перехватить его, не дать услышать ужасную весть из чужих уст, по телефону. Но отца дома уже не было, он уехал раньше, чем обычно. Тогда дочь поехала напрямик в больницу, но расстояния были большие — с одного края Москвы на другой, по утреннему времени с пробками, и приехала дочь в начале двенадцатого, с опозданием: отец лежал в морге, рядом со своей драгоценной женой, так и не узнав о ее смерти.

Ошеломленная дочь сидела в кабинете у Любове Алексеевны и все повторяла: в один день, в один день...

Любовь Алексеевна велела принести чаю. Не было в эту минуту

более близкого человека для дочери, чем эта врачиха, и она лепетала про золотую свадьбу, которую они с братом в прошлом году им устраивали, про любовь, которая не проходила у них, и какие они в молодости были красивые, а потом уменьшились, съезжились, а любовь — а любовь только росла... Папочка всегда был немного смешной, но рыцарь! Великий рыцарь! Он к женщинам относился с большим почтением, не почему-либо, а потому, что они все как будто немного родственницы его Аллочке... Они поженились девственниками и в жизни не посмотрели в сторону — вот так, Любовь Алексеевна... И умерли в один день... И не узнали о смерти другого...

Любовь Алексеевна пришла на похороны. Супруги были не очень старые — ей семьдесят два, ему — семьдесят четыре. Могли бы еще прожить до глубокой старости. Хоронили их в одной могиле, в светлый день конца лета. В предутренние часы был сильный дождь, и теперь пар шел от земли, а поверху стоял легкий туман, смягчая солнечный свет.

Народу, изумленному редкостным событием двойной смерти, было много: родня, соседи по дому, в котором прожили сорок лет, сослуживцы-бухгалтеры. Все были ошарашены и приподняты, — удивительные были похороны: с оттенком праздника и победы...

Супруги лежали рядом, в одинаковых гробах, и голова Романа Борисовича была как будто немного повернута в сторону жены... Дочь была с мужем, и сын с женой, и при каждой паре — по мальчику с девочкой, и разноцветных астр было такое множество, как будто про другие цветы никто и не вспомнил: пушистые, игольчатые, мелкие и огромные, размером с георгин, всех возможных оттенков, и лежали они ковром по двум гробам и выплескивались наружу...

Санитарка Варя тоже пришла на похороны. Больше всего в жизни она любила смерть. С детства ее притягивало в ту сторону. Маленькой была, хоронила кошек и воробьев. Она много про это знала такого, что рассказать не смогла бы, но сердцем чувствовала: не зря ее все время нанимали в сиделки к умирающим. Стояла она рядом с Любовью Алексеевной Голубевой, которую уважала почти как Андросова. У Любви Алексеевны тоже был букет астр — чернильно-лиловых и белых вперемешку.

А хорошие покойнички, подумала Варя. Хотя и отметила, что венчиков бумажных на лобиках у них не лежало.

И тут вдруг солнце прорвало туман, и прямо над головами повис-

ла радуга — не цельная дуга, от края до края неба, а только половина: в высоте неба она рассеивалась. И обрывалась.

Господи, дорогу в небо повесили, изумилась Варя. Верно, очень хорошие покойнички...

А потом Варя пригляделась к радуге и изумилась еще больше: она была не обычная, а двойная, как будто одна из ярких полос, а к ней прилеплена еще другая, подобная, но из полосок бледных, почти неразличимых...

Показать Любви Алексеевне или нет? Вдруг не заметит, а потом будет над ней посмеиваться... Но Любовь Алексеевна уже сама подняла голову и смотрела на радугу. И все, кто там были, увидели...

СЛАВНИКОВА, ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА родилась 23

октября 1957 г. в Свердловске «в типичной для города семье инженеров-оборонщиков».

Закончив факультет журналистики Уральского университета, будущая писательница не думала всерьез заниматься журналистикой или литературным творчеством, потому что они «слишком подвержены вмешательству властей». Не расставаясь с этим убеждением, Славникова все же написала повесть

«Первокурсница» и стала все глубже погружаться в литературное творчество и в литературный процесс: в Екатеринбурге работала в «Средне-Уральском бюро пропаганды художественной литературы», в журнале «Урал», редактировала газету «Книжный клуб». Сейчас живет в Москве, курирует премию «Дебют».

Первый роман Ольги Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки», вошел в шорт-лист Букера-97. Кроме финала Букера, Славникова входила в шорт-листы премии им. Аполлона Григорьева, премии «Национальный бестселлер», «Ивана Петровича Белкина», была награждена Губернаторской премией в родном Екатеринбурге и - за второй свой роман «Один в зеркале» - премией им. Бажова.

В 2006 г. О. Славникова стала лауреатом премии

«Русский Букер»: ее книга «2017» («антиутопия, авантюрный триллер и психологическая проза в одном флаконе») была признана лучшим романом года, написанным на русском языке. В новом романе *Ольги Славниковой* действие происходит на Урале, и мир горных духов, некогда описанный Бажовым, не оставляет героев, будь то охотники за самоцветами, что каждое лето отправляются в свой тайный поход, или их подруги, в которых угадывается образ Хозяйки Медной горы. А тем временем приближается 2017 - и на городской площади разыгрываются сцены Октябрьского переворота: костюмированное шоу перерастает в серьезные беспорядки...

«Если бы нужно было придумать название реализму Славниковой, - говорит *Валентин Лукьянин*, - я бы сказал: голографический реализм. В том смысле, что маленький осколок разбитой пластинки несет в себе не часть изображения, но все изображение целиком, только не столь четкое и подробное. Славникова, строго говоря, не «живописует» картинки. Она вписывает каждую подробность, каждый штрих в единую картину мироздания, какой она ее воспринимает и понимает».

Из рассказа «Басилевс»

От автора | Этот рассказ возник после того, как мой кот, вислоухий шотландец по кличке Доктор Ватсон, сбежал от меня весной 2006 года, чтобы жениться. Коты имеют большое значение в судьбе писателя, но у них есть и собственная жизнь. Мой предыдущий кот, рыжий сибиряк Герасим, был подозреваем в двойном гражданстве: после недели загула он возвращался сытый, чистый, пахнущий шампунем. Вероятно, где-то недалеко у него были другой дом и другое имя, навсегда оставшиеся неизвестными. Я жду назад всех моих котов и пользуюсь случаем, чтобы выразить им признательность за красоту шерсти и гармоничное мурчание.

Предметом отношений Елизаветы Николаевны Ракитиной и Павла Ивановича Эртеля был кот. Породистый вислоухий шотландец, он на

склоне кошачьих лет более всего напоминал русского мужика в шапке-ушанке и толстом, местами продранном тулупе. Но, несмотря на почтенный возраст, рыжие глаза кота пылали опасным огнем, и каждый, кто тянул к нему непрошеную руку, получал украшение в виде параллельных кровоточащих царапин. Звали кота Басилевс.

Примерно раз в неделю Эртель, созвонившись и получив приглашение, ехал к Елизавете Николаевне на чай. Чай у Елизаветы Николаевны был бурый, с явственным вкусом водопроводной воды, и когда она протягивала гостю дребезжащую чашку, на хрупкое блюдце наплескивалась лужа. Старая квартира не любила солнечного света. Каждое окно здесь было словно театральная сцена, с бархатным занавесом и собственной глубиной; когда же луч, преодолевая трение стекла, все-таки протягивался в тускло мерцающую комнату, в нем принималась танцевать такая густая и ворсистая пыль, что это напоминало колыхание водорослей в луче батискафа. В гостиной, куда смущенно улыбающийся Эртель проходил в тапках бывшего хозяина квартиры (точно здесь и правда могло быть затоплено), всегда горела обмотанная бусами маленькая люстра. Желтенький ее костерок позволял рассмотреть завитки тяжелой, плотно загруженной мебели, сломанную этажерку, похожие на подтаявшие порции мороженого фарфоровые фигурки. В этом несовременном интерьере странно смотрелся ноутбук Елизаветы Николаевны, всегда включенный, бросавший мятный отсвет на разбросанные распечатки, на обрамленный снимок полного мужчины с виноватой улыбкой, словно размазанной по круглому лицу, четыре года как покойного.

На чаепитиях, которые Елизавета Николаевна называла консультациями, кот неизменно присутствовал. Хозяйка приносила его, свисающего, на руках и укладывала в кресло, где клочковатый барин едва помещался.

— Павел Иванович, что же делать с шерстью? Так лезет, просто на руках остается, — жаловалась Елизавета Николаевна, предлагая гостю сухие, деревянные на вкус крендельки.

— Попробуйте проколоть витамины, — советовал Эртель сдавленным голосом, откашливаясь от крошек.

— А зубы, посмотрите на зубы, — беспокоилась хозяйка. — Может, их надо чем-то обрабатывать, чтобы не крошились?

— Зубы придется вставлять искусственные, — резюмировал Эр-

тель. — Закажем в Германии, это часто так делается. Пока ничего страшного. Облысение, конечно, неприятная вещь. Можно попробовать пищу пожирней, но вот как у него с желудком?

Кот между тем дремал или вылизывался, оставляя на ватной шерсти мокрые зачесы. Он как будто понимал, что речь идет о его потускневшей красоте, и так старательно мылся языком, что становился весь будто написанный маслом. Чего Басилевс не выносил — это когда хозяйка и гость смотрели на него одновременно. Он грузно сваливался с кресла на толстый ковер, оставляя рыхлый след, точно на снегу, и забирался под мебель, где его ожидала любимая игрушка: плюшевая крыса.

Павел Иванович Эртель не был ветеринаром. Профессия его вообще не значилась в официальном реестре специальностей России. Эртель был таксидермист, иначе говоря — изготовитель чучел.

(...)

Кота Елизавета Николаевна нашла в подъезде, где он сидел на громадном, треснувшем вдоль подоконнике, подвернув передние пухлые лапы калачом, и увязался не столько за женщиной, сколько за ее хозяйственной сумкой, от которой соблазнительно и мерзко тянуло докторской колбаской. Будучи насильно отмыт от какой-то душной копоти (шерсть под тепленьким душем была как кисель, таз бушевал), кот оказался породист и хорош собой; глаза его, похожие на очень сахаристый золотой виноград, сладко шурились на бархатный уют. Должно быть, беднягу бросили жертвы риелторов, перебравшиеся куда-нибудь в Химки... От бродячей жизни коту остались на память сухие шрамы на полосатой голове и дырка в левом моргающем ухе, в которую можно было продевать сережку.

Вовсе не Елизавета Николаевна дала приبلудному котяре царственное имя. Маленькая

(...)

Не беспокойся, сделаю тебя, будешь стоять пыльный, — сообщал Павел Иванович коту, пока хозяйка ходила с дребезжащим подносом на кухню и обратно.

Кот на это нервно вздрагивал хвостом и спиной, будто поддерживал штаны. Казалось, он догадался, какие планы строит приходящий блеклый человек, и решил ничего не оставить чучельнику от своей красоты, но истратить все на себя при жизни. Он, например, умудрился порвать второе ухо, сдирая подаренный кем-то из спонсоров

ошейник со стразами, и теперь это ухо — ценный признак породы! — напоминало использованный троллейбусный билет.

— Вы это потом как-нибудь зашьете? — спрашивала Елизавета Николаевна, глядя на Эртеля с настойчивой надеждой.

— Реставрирую, — соглашался тот, думая про себя, что давненько ни один заказчик не передавал ему такого бракованного экземпляра и не ставил столь трудных задач.

Между тем кот торопился жить полной жизнью.(...)

Живые запахи внешнего мира будоражили Басилевса. ... кот грузно прыгал на подоконник, а оттуда на открытую форточку. Там, на воле, сияла весна, хлопали голуби, оттаивала, распускаясь розой запахов, дворовая помойка. Басилевс возбужденно дрожал, напустивши холода в шерсть; толстый хвост его, поседевший у мощного корня, нетерпеливо молотил по оконному стеклу.

(...)

Что происходило дальше, доподлинно неизвестно. Павел Иванович, вызванный отчаянным телефонным звонком в два часа ночи, нашел Елизавету Николаевну в темном, весенними древесными тенями опутанном дворе, где она, в перемазанном плащике и в нелепой, цеплявшейся за ветки коричневой шляпе, шарила по кустам. По счастью, беглый преступник обнаружился быстро: сидел, ворча, под мокрой железной каруселью, на которой незаинтересованно жмурилась беленькая кошечка, изящная, как маленькая арфа.

Будучи схвачен Эртелем за толстый загривок, кот извивался и кобенился, вращая налитыми кровью круглыми белками. Наверху посчитали потери. В результате домашнего сражения у потрясенной Елизаветы Николаевны все руки были распаханы и, опухшие, напоминали разваренные сосиски. С Басилевсом дела обстояли не лучше: он хромал и выл, и подмигивал левым, плохо открывающимся глазом; на попытки плачущей хозяйки его погладить яростно шипел.

(...)

Разумеется, Эртелю о гибели Елизаветы Николаевны никто не сообщил.

Он позвонил из мастерской в условленный день. Ему показалось, что он ошибся номером. Отвечал мужской голос, бесцветный и сиплый, точно кто наступал раз за разом на пустую картонную коробку. Судебный исполнитель? Как — позавчера похоронили? Нет, не родственник. Нет, просто знакомый.

(...)

Эртель твердо держался за то, что должен непременно разыскать и взять к себе Басилевса. Это уже почти не имело отношения к Елизавете Николаевне — ведь там, где она пребывала теперь, она не могла утешаться котом и его будущим чучелом. Пустота, которую она оставила после себя, была несоразмерным человеку явлением природы; стихию то и дело штормило, величиной своей она посягала на человеческий разум — но какая-то часть Эртеля радовалась, что можно уже не обмирать на краю, а напрямую схватиться. Поиски кота были единственным возможным действием в невозможных обстоятельствах, и Эртель, понимая, как дико выглядит это со стороны, занимался ими упрямо, методично, переживая горе на ногах, как переносят на ногах тяжелую болезнь. Поиски затягивались. Это грозило Эртелю потерей двух важных клиентов, готовых ждать месяцы, нужные для правильной таксидермии трофея, но в последнюю неделю перед получением новой меховой игрушки топавших ногами от нетерпения.

(...)

Басилевса нашли на двенадцатый день. Два таджика, осторожно переступая ногами-калачиками, приволокли клеенчатый черный мешок и, держа его за углы, точно насыпая дорожку песку, вытряхнули перед Эртелем мохнатую длинную гусеницу. Басилевс пролежал в подвале не меньше недели; участковому сделалось дурно при виде бумажной кожи, серевшей сквозь грязную шерсть, при виде вывернутого кошачьего глаза, похожего на женский сосок; зеленые клочки на брюхе еле просматривались, сделавшись цвета лаврового листа. Басилевс действительно истратил все на себя, лихо прожил последние деньки: об этом говорили многочисленные боевые ранения, нанесенные, возможно, теми рваными бродягами, что прошли перед поисковой группой стараниями местных ловцов. Однако выполнить то, что Эртель обещал Елизавете Николаевне, стало почти невозможно.

Но Эртель все-таки взялся. ...

(...)

Наконец чучело, представлявшее собой победу профессионального искусства, было готово. Басилевс получился длинноват и клочковат, но все-таки это был не труп, а совершенно живой кот. Выгнув спину, он словно пускал расчесанной шкурой электрические искры, его сахаристо-рыжие глаза горели дозорным огнем. ... На этом сумасшествие Эртеля закончилось. Отныне, глядя на моложавого бесцветного

мужчину, с достоинством носившего словно взятое с черно-белой фотографии отцовское лицо, никто бы не подумал, что он способен на иррациональные поступки. Сам Эртель, впрочем, не был в этом уверен. Он никому ничего не обещал. Иногда, во время густого, с тенями, снегопада или осенним дождливым вечерком, он подумывал, что неплохо бы каким-нибудь способом попасть туда, где они с Елизаветой Николаевной станут подобны и равны, где они наконец поговорят.

ПЕЛЕВИН, ВИКТОР ОЛЕГОВИЧ родился 22 ноября 1962 в

Москве. Окончил Московский энергетический институт, служил в ВДВ. После окончания Литературного института несколько лет проработал в журнале «Наука и религия», где готовил публикации по восточному мистицизму.

Первые рассказы появились в конце 1980-х в сборниках фантастики и журнале «Химия и жизнь». Дебютный сборник *Синий фонарь*

поначалу не был замечен критикой. Через год после фурора, вызванного появлением в журнале «Знамя» повести *Омон Ра* (1992), *Синий фонарь* получает малую буковскую премию как лучший сборник рассказов 1992 года.

В *Омон Ра* история советской космонавтики представлена как грандиозная и садистская фальсификация. По Пелевину подлинное ее назначение— совершение кровавых жертвоприношений, питающих магическую структуру государства..

Повесть *Жизнь насекомых* (1993) была не столь эпатажна, но имела более сложный замысел и конструкцию, а по мнению некоторых критиков и беспрецедентно сложную — своеобразный перефраз дантовского Ада, где в качестве адских мук фигурирует безысходное переживание специфических состояний ума. Критик А.Генис так комментирует насекомых и людей: «Собственно между ними вообще нет разницы, насекомые и люди суть одно и то же. Кем их считать в каждом отдельном эпизоде, решает не автор, а читатель».

В произведениях Пелевина можно обнаружить влияние су-

физма, стоицизма и антропософии, а его *Чапаева и Пустоту* (1996) называют даже «первым дзен-буддистским романом».

Основная тема произведений Пелевина – иллюзорный характер реальности, другие миры и альтернативные версии российской истории. Это и центр управления советской Россией, который находился в подземельях под Кремлем (*Повесть о ненных лет*), и версия перестройки, якобы возникшей в результате мистических упражнений уборщицы Веры Павловны, посланной после смерти в роман Чернышевского в наказание за «солипсизм на третьей стадии».

Грань между жизнью и смертью, как правило, размыта: герои *Вестей из Непала* и *Синего фонаря* вдруг начинают понимать, что они – мертвецы, а старая шаманка легко вызывает из «нижнего мира» погибших на войне немецких летчиков, чтобы русские девушки, выйдя за них замуж, могли бы уехать за границу (*Бубен Верхнего Мира*, 1993).

Но, по мнению Пелевина, в наших силах осознать иллюзорность своей жизни и выйти навстречу подлинному Бытию. Так это и происходит с героями большинства его книг: цыплятами, которые вырвались за окна инкубатора, развив свое самосознание и врожденные способности. (*Затворник и Шестипалый*). Освобождается от иллюзорного мира и мотылек Митя, превратившись в светлячка (*Жизнь насекомых*), и сарай с душой велосипеда, обретающий истинную жизнь после устроенного им самим пожара (*Жизнь и приключения сарая № XXII*). Рассказчик *Желтой стрелы* (1993) сходит в конце концов с бесконечного поезда, движущегося к «разрушенному мосту», а Чапаев, Анна и Петр погружаются в финале романа в «Условную реку абсолютной любви» – сокращенно «Урал».

Но не верно будет относить произведения Пелевина только к мистической литературе. С таким же успехом их можно прочитать и как философскую притчу, и как юмористическую повесть, и даже как самоучитель *Public Relations* – роман *Поколение «П»* (1998), самим Пелевиным названный в одной из бесед (поскольку интервью он не дает из принципа) – «производственным романом о рекламе».

Многие критики относят Пелевина к постмодернистской школе, для которой характерны эсхатологические умонастроения,

тотальная ирония, игровое начало, обращение к интерактивной виртуальности, эстетика чужого замысла. Однако, вряд ли огромная популярность Пелевина объясняется только его принадлежностью к постмодернизму и даже его особым даром «пеленговать нашу ирреальность», как сказал о нем *Андрей Вознесенский*.

На уровне языка Пелевин никогда не играет с читателем: он чувствует и видит то, что рассказывает, и делает это со свойственной ему доверительной интонацией.

На сегодняшний день – Виктор Пелевин один из самых популярных современных отечественных прозаиков за рубежом, где переведены все его книги, а самого его сравнивают с Хемингуэем и Кафкой. В 2000 году журнал «New Yorker» назвал Пелевина в числе шести лучших современных писателей Европы.

В России же огромная (и по определению некоторых критиков «бульварная») популярность Пелевина прекрасно уживается с тем, что **практически каждая его вещь стала лауреатом престижных литературных премий**. А некоторые его произведения награждались дважды. Так, например, *Омон Ра* был удостоен и «Бронзовой улитки» и «Интерпресскона».

«Место, занимаемое Пелевиным в современной русской литературе, сопоставимо с тем, которое принадлежит Мураками в литературе сегодняшней Японии. Оба они являются посредниками, перекидывающими мостик через пропасть, разделяющую серьезную и массовую литературу» (Тюкан Сесэцу).

В 2004 г. В. Пелевин стал лауреатом премии «Национальный бестселлер» за книгу «ДПП (NN)» («Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда»).

«Один Бог»

(рассказ из сборника «ДПП (NN)»)

Один Бог — это количество тщеты, выделяющееся в женском туалете ресторана СКАНДИНАВИЯ, когда мануал-риплифер Диана и орал-массажист Лада, краем глаза оглядывая друг друга у зеркала, приходят к телепатическому консенсусу, что уровень их гламура примерно одинаков, так как сумка ARMANI в белых чешуйках, словно бы сшитая из кожи ящера-альбиноса, и часики от GUCCI перели-

Один кулон — это количество электричества, проходящее через поперечное сечение проводника при силе тока, равной одному амперу, за время, равное одной секунде.

Система СИ

вающимся узором, вписанным в стальной прямоугольник благородных пропорций, вполне компенсируют похожий на мятую школьную форму брючный костюмом от PRADA, порочно рифмующийся с короткой стрижкой под мальчика, но этот с трудом достигнутый баланс парадигм и извивов делается совсем не важен, когда в туалет входит натурал-терапевт Мюся с острыми стрелами склеенных гелем волос над воротом белого платья от BURBERRY, которое напоминает туго стянутый двубортный плащ с косо отрезанными рукавами, после чего Лада с Дианой приходят в себя и вспоминают, что дело не в GUCCI и PRADA, которые после недельных усилий может позволить себе любая небрезгливая школьница, и даже не в BURBERRY с двумя рядами перламутровых пуговиц, а в доведенном до космического совершенства фирмой BRABUS автомобиле MERCEDES GELANDEWAGEN с золотыми символами RV-700, на котором Мюся, как обычно, подъехала со своим другом и спонсором, а Мюся с пронзительной ясностью осознает, что секрет совершенного рилифа не столько в знании мужской психологии, анатомии или других гранях трудного женского опыта, сколько, наоборот, в полном отсутствии такового, в крахмальной свежести души и наивной ясности взгляда, связанных даже не столько с возрастом, сколько с незнанием некоторых вещей, которые Мюся уже не сможет забыть никогда, что при рыночном укладе обстоятельств не гарантирует места в автомобиле BRABUS RV-700 на завтра, так как Лада с Дианой юны и готовы на все, а крем VICHY PUETAINE не поворачивает время вспять, как обещает инструкция-вкладка, а скорее напоминает о его необратимости, и, что может оказаться гораздо серьезнее всего вышеперечисленного, сам друг и спонсор, нервно курящий в это время на балконе сигару TRINIDAD FUNDADORES, на которую с кривой ухмылкой

глядит из-за оцепления безногий инвалид в камуфляжном тряпье, начинает догадываться, что дело вовсе не в оральном массаже, и даже не в анальном эскорте, а в этом резком, холодном и невыразимо тревожном порыве ветра, только что долетевшем со стороны КРЕМЛЯ, - хотя, может быть (и скорее всего так и есть), что все это в очередной раз просто всем померещилось.

ШИШКИН, МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ родился 18 января 1961

года в Москве. После школы поступил на романо-германский факультет Московского государственного педагогического института имени Ленина, после института работал школьным учителем, журналистом в журнале «Ровесник», дворником, дорожным рабочим.

Литературный дебют состоялся в 1993 году, когда в журнале «Знамя» был напечатан его рассказ «Урок каллиграфии». С тех пор он стал постоянным автором журнала, в котором были впервые опубликованы сделавший его известным роман «Всех ожидает одна ночь», повесть «Слепой музыкант» и роман «Взятие Измаила».

С 1995 года с женой слависткой Франциской Штеклин живет в Цюрихе (Швейцария). Подрабатывает в федеральной службе по делам беженцев переводами допросов претендентов на статус беженцев в Швейцарии. Автор 600-страничной книги «Русская Швейцария. Литературно-исторический путеводитель».

Обладатель российского «Букера» (2000) за роман «Взятие Измаила», премии «Национальный бестселлер» (2005) за роман «Венерин волос» (Многоплановое, сложное произведение об историческом пути России, о судьбе русского языка), французской литературной премии «Лучшая иностранная книга» в категории «роман» (2005) за книгу «По следам Байрона и Толстого».

В книгах Михаила Шишкина известный писатель Леонид

Юзефович видит продолжение традиций Набокова и Бунина. По мнению У. Шмида, «Шишкин проявляет себя как один из самых талантливых авторов российской литературной сцены, тем более, что ему, несмотря на моду, удалось создать собственный стиль и собственную литературную концепцию».

Из романа **«Венерин волос»**

У Дария и Парисатиды было два сына, старший Артаксеркс и младший Кир.

Интервью начинаются в восемь утра. Все еще сонные, помятые, угрюмые — и служащие, и переводчики, и полицейские, и беженцы. Вернее, беженцем еще нужно стать. А пока они только GS. Здесь так называют этих людей. *Gesuchsteller*¹.

Вводят. Имя. Фамилия. Дата рождения. Губастый. Весь в прыщах. Явно старше шестнадцати.

Вопрос: Опишите кратко причины, по которым вы просите о предоставлении убежища в Швейцарии.

Ответ: Я жил в детдоме с десяти лет. Меня насильовал наш директор. Я сбежал. На стоянке познакомился с шоферами, которые гоняют фуры за границу. Один меня вывез.

Вопрос: Почему вы не обратились в милицию с заявлением на вашего директора?

Ответ: Они бы меня убили.

Вопрос: Кто они?

Ответ: Да они там все заодно. Наш директор брал в машину меня, еще одного пацана, двух девчонок и отвозил на дачу. Не его дачу, а чью-то, не знаю. И вот там собирались все они, все их начальство, и начальник милиции тоже. Они напивались и нас тоже заставляли пить. Потом разбирали нас по комнатам. Большая дача.

Вопрос: Вы назвали все причины, по которым просите о предоставлении убежища?

Ответ: Да.

¹ Лицо, подавшее заявление о предоставлении убежища (нем.).

Вопрос: Опишите путь вашего следования. Из какой страны и где вы пересекли границу Швейцарии?

Ответ: Не знаю. Я ехал в фуре, меня заставили коробками. Дали две пластмассовые бутылки: одну с водой, другую для мочи, и выпускали только ночью. Меня высадили прямо здесь за углом, даже не знаю, как город называется, и сказали, куда идти, чтобы сдаться.

Вопрос: Занимались ли вы политической или религиозной деятельностью?

Ответ: Нет.

Вопрос: Находились ли под судом или следствием?

Ответ: Нет.

Вопрос: Подавали ли вы заявление о предоставлении убежища в других странах?

Ответ: Нет.

Вопрос: У вас есть юридический представитель в Швейцарии?

Ответ: Нет.

Вопрос: Вы согласны на проведение экспертизы для определения вашего возраста по костной ткани?

Ответ: Что?

В перерыве можно выпить кофе в комнате для переводчиков. Эта сторона выходит окнами на стройку — возводят новое здание для центра приема беженцев.

Белый пластмассовый стаканчик то и дело вспыхивает прямо в руках, да и вся комната озаряется отблесками сварки — сварщик устроился прямо под окном.

Никого нет, можно десять минут спокойно почитать.

(...)

Любезный Навуходонозавр!

Вы уже получили мою скороспелую открытку с обещанием подробностей. Вот они.

После дня, проведенного в местах не столь отдаленных, пришел домой. Поел макароны. Перечитал ваше послание, так порадовавшее меня. Стал смотреть в окно. Ветер нагнал сумерки. Дождь зарядил. На газоне валяется красный зонт, как порез на травяной шкуре.

Однако все по порядку.

Не каждый день, право, балует нас почтальон чужестранными посланиями! Да еще такими! Среди счетов и рекламы — нечаянная радость, ваше письмо, в котором вы подробно описываете вашу На-

вуходонозаврову державу, ее славное географическое прошлое, приливы и отливы истории, нравы флоры, обычаи фауны, вулканы, законы, катапульти и людоедские наклонности народонаселения. Есть у вас, оказывается, даже и вампиры, и дракулы! А вы, значит, императорствуете. Польщен.

Правда, письменность ваша изобилует грамматическими ошибками, но какая, в сущности, разница! Ошибки можно научиться исправлять, а такое вот послание вы мне, может, никогда больше и не пришлете. Императоры так быстро взрослеют и забывают о своих империях.

Не нагляжусь на приложенную карту вашей островной отчизны, обстоятельный труд вдохновенных императорских картографов. А знаете, я, пожалуй, прикнуплю ее вот сюда, на стенку. Буду посматривать и гадать, где-то вы там сейчас, среди этих гор, пустынь, озер, фломастерных зарослей и столиц. Что поделяваете? Переехали уже из летней резиденции в Осенний дворец? Или уже спите? И ваш сон охраняет непотопляемый флот — вон идут вокруг острова триремы и подводные лодки кильватерной колонной.

И какое славное имя для благодетельного государя, написанное разноцветными буквами! Даже имею некоторые предположения, как оно вам пришло на ум, но оставляю их при себе.

В вашем послании вы просите сообщить сведения о нашей далекой державе, еще неизвестной вашим географам и первопроходцам. Как же мне оставить ваш вопрос без ответа!

Что вам сказать о нашей империи? Обетованна, странноприимна, небоскребна. По площади три года скачи не доскачешь. По числу комаров на тело населения в бессонные часы нет ей равных. По забору пробегают белки.

Карта наша изобилует белыми пятнами, когда выпадает снег. Границы так далеко, что даже неизвестно, с кем толком граничит империя. Одни говорят, что с горизонтом, по другим источникам — с заключительной каденцией ангельских труб. Доподлинно же известно, что расположена она где-то к северу от эллинов, вдоль береговой линии воздушного океана, по которому ходит наш непотопляемый облачный флот кильватерной колонной.

Флора пока еще наличествует, от фауны остались лишь кроны вот этих деревьев, похожие на косяки мальков. Их пугает ветер.

Флаг — хамелеон, законы что дышло, про вулканы мне лично ни-

чего неизвестно.

Главный вопрос, занимающий имперские умы уже не одно поколение, — кто мы и зачем? Ответ на него, при всей кажущейся очевидности, невнятен. В профиль — гипербореи, анфас — сарматы, одним словом, то ли орочи, то ли тунгусы. И каждый — закладка. Я хотел написать “загадка”.

Верования примитивны, но не лишены некоторой поэтичности. Иные убеждены, что мир — огромная лосиха, шерсть которой — леса, живущие в шерсти паразиты — таежные звери, а выющиеся вокруг насекомые — птицы. Этакая рогатая хозяйка вселенной. Когда лосиха начинает тереться о дерево — все живое умирает.

Короче, эта империя кем-то общепризнана лучшим из миров, в котором ваш покорный — вы интересуетесь, не начальник ли? — не начальник. Как объяснить вам, любезный Навуходонозавр, чем мы тут промышляем? Пожалуй, попробую так: ведь даже эти мальки за окном, которые жмутся в кучку и не подозревают о себе, что просто ветер, убеждены: каждого из них кто-то ждет, помнит, знает в лицо — все прожилки, все крапинки. И никак их не разубедить. И вот прут из всех поднебесных каждой твари по паре: недотепы и несмеяны, правдолюбцы и домочадцы, левши и правши, братки и таксидермисты. А никто никого не понимает. И вот я служу. Министерства обо-роны рая беженской канцелярии толмач.

(...)

Кажется, мы отвлеклись, любезный Навуходонозавр.

Чем еще славна наша империя? Есть и у нас, представьте себе, и подводные лодки, и пустыни, и даже дракула, но только не вампир, а настоящий. Здесь вообще все настоящее.

Да, забыл сказать, что людоедство не перевелось и у нас, причем пожирает всех не кто-нибудь, а самодержец самолично, или самодержица, давно не заглядывал в придворный адрес-календарь, а род ведь зависит от наречия, короче, один такой Ирод Великий, но если об этом не думать постоянно, то живется тут, припеваючи приставший в трамвае мотивчик, — на остановке у вокзала сегодня кто-то вышел, насвистывая.

Забавно — когда-нибудь через много лет получите это письмо и, возможно, даже не вспомните, что были некогда императором вот этой чудесной прикнопленной империи.

(...)

Любезный Навуходонозавр!

Заглянул в почтовый ящик — от вас ничего.

Верно, вам не до нас. Да мы и не ропщем — ведь вас ждут дела государственного значения. Не дай Бог, объявите кому-нибудь войну или нападут инопланетяне. За всем глаз да глаз нужен. Тут уж не до писем.

У нас все по-старому.

Вселенная расширяется. Толмач толмачит.

Вот придешь домой, а выкинуть из головы все, что было днем, — не получается. Все с собой домой и принес.

Никак от тех людей и слов не освободиться.

А там все то же. Да и что может быть на толмачевой службе нового? Все по накатанной дорожке. Рассказывают про себя страшные истории. Нестрашные здесь не рассказывают. Да еще с подробностями. Тычут свои слоновьи кисти, в которые якобы шприцом загнали расплавленный вазелин. Страшилки и ужастики. Да еще такое загнут, что хоть садись и детективы строчи. Будто мама в детстве не учила, что нужно говорить правду. Бьют на жалость! В рай они захотели! Мученики нашлись! А дело не в жалости. Дело в выяснении обстоятельств. Для того, чтобы не пустить в рай, очень важно узнать то, что было на самом деле. Или вот были в один день два парня, вместе сдались: один якобы из подмосковного детдома, а другой из Чечни. А через неделю из полиции переслали их паспорта — они спрятали свои документы в какой-то бетонной трубе у железной дороги, и рабочие их случайно нашли. Оба из Литвы. Приехали на каникулы. За гостиницу платить дорого, а так — и крыша над головой и накормят. И результаты костного анализа показали, что им далеко за шестнадцать. Штамп. Штамп.

(...)

Перед сном толмач пытается читать, чтобы забыться. Хочется еще, прежде чем выключить свет и положить подушку на ухо, унести с другой конец империи и пройти вместе с Киром по пустыне, имея Евфрат по правую руку, в пять переходов 35 парасангов. Там земля представляет собой равнину, плоскую, как море, и заросшую полынью. Встречные растения — кустарники и тростники — все прекрасно пахнут, словно благовония. Там нет ни одного дерева, а животные разнообразны: встречаются дикие ослы и большие страусы. Попада-

ются также драхвы и газели. Всадники нередко гоняются за этими животными. Ослы, когда их преследуют, убегают вперед и останавливаются, так как бегают гораздо быстрее лошадей. Когда лошади приближаются, они опять проделывают то же самое, и нет никакой возможности их настигнуть, разве только в том случае, если всадники становятся в разных местах и охотятся поочередно. Мясо пойманных ослов похоже на мясо оленей, но нежнее. Никто не поймал ни одного страуса, а те всадники, которые пускаются за ними в погоню, быстро прекращают ее. Убегая, страус отрывается далеко вперед, пользуясь во время бега и ногами, и крыльями, поднятыми, как паруса.

Закроешь книжку, пытаешься уснуть, а в голове опять вопрос-ответ, вопрос-ответ.

(...)

БЫКОВ, ДМИТРИЙ ЛЬВОВИЧ родился 20 декабря 1967 го-

да в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ (1991). Успел побывать членом КПСС (с 1987). Преподавал в школе, был обозревателем ряда газет и журналов, в том числе с 1993 печатается в «Огоньке» (обозреватель — с 1997 года). Заведовал отделом публицистики еженедельника «Собеседник» (с 1996 г.), состоял в должности первого заместителя главного редактора газеты «Консерватор» (2003). Один из ведущих ТВ программы «Времечко».

Член Союза российских писателей. Д. Быков - Один из создателей и командор Ордена куртуазных маньеристов (1989-92). Он выпустил пять романов и шесть стихотворных сборников, а также три книжки статей и сказок. Его фантастическая продуктивность одних критиков восхищает, другим дает основание называть Быкова «главным графоманом всея Руси». По оценке М. Трофименкова, в том, что пишет Д. Быков, «обычно присутствует элемент художественной провокации, иногда граничащий с литературным хулиганством. Впрочем, именно поэтому не кажется архаичным и старомодным искренний гуманистиче-

ский пафос его статей. Всегда готов плыть против течения – из бескорыстной любви к этому редкому нынче виду спорта».

Отмечен премиями Союза журналистов России (1992), журнала «Огонек» (1999, 2001), призом XIV Московской международной книжной выставки-ярмарки в номинации «Дебют» (2001).

В 2006 году премию «Национальный бестселлер» получила книга Д. Быкова «Пастернак» - первая в серии «ЖЗЛ» биография Бориса Пастернака. Для этого 900-страничного литературного труда характерна тщательная реконструкция фактов, вдумчивый литературоведческий анализ и отличный русский язык.

В 2007 г. Быков вышел в финал литературной премии "Национальный бестселлер" со своим новым романом "ЖД".

Из Предисловия автора к роману «ЖД»:

Подзаголовок “поэма” звучит претенциозно, особенно если учесть, что один свой роман я уже назвал “оперой в трех действиях”. Тогда мне оставалось только расшаркиваться и оправдываться, повторяя: “Но это, правда, опера!” Во всяком случае, на традиционный исторический роман “Орфография” похожа меньше, чем на костюмное музыкальное представление, а петроградская реальность мая 1918 года не больше напоминала мои декорации, чем настоящая Япония – родину Чио-Чио-Сан. Сейчас мне вряд ли придется повторять: “Но это правда поэма!” – поскольку главные претензии к “ЖД” наверняка не будут касаться жанра. Но насчет поэмы стоит объясниться.

Генетическим, родовым признаком эпической поэмы служит вовсе не то, что она написана стихами. На сегодняшний – особенно детский – слух гекзаметр Гомера или Вергилия – почти проза. Шум моря в конце концов тоже ритмически организован, но это не делает его поэзией. Эпическая поэма – своего рода паспорт нации, ее самоопределение. У истоков каждой нации стоит эпос, чаще всего на две темы – война и странствие. Это два самых древних повествовательных сю-

жета, наиболее наглядно реализованных в гомеровской дилогии: вот тебе война, вот странствие. Эпическая поэма – национальный символ веры: не потому, что она так хорошо написана (хорошо, плохо – в таких делах категория несущественная), а потому, что нация в ней объяснена. В ней же заложены основные фабулы и повествовательные приемы, которыми национальная литература будет потом питаться не одно столетие (“Божественная комедия” Данте – зародыш всей итальянской литературы, “Дон Кихот” – энциклопедия испанской, “Уленшпигель” – лучшая, по-моему, книга на свете, – заменяет собою голландскую, а “Сто лет одиночества” и “Осень патриарха” – почти всю латиноамериканскую). Великая национальная поэма может быть пародийной, как у Сервантеса, сатирической, как у Гоголя, сказочной и вдобавок музыкально-драматической, как “Пер Гюнт” Ибсена с иллюстрациями Грига, но назначение ее всегда одно: она объясняет нации ее состояние, закладывает основы ее мифологии на новом этапе. Отсюда ясно, почему “Война и мир” вполне соответствует толстовскому определению: “Это не роман, еще менее поэма”... Толстой для этого слишком реалист; и потом, там почти нет странствия. Поэма была у Гоголя, но вечная российская двойственность, незавершенность и неоформленность свели автора с ума, прежде чем он успел выдумать страну заново.

Русская национальная поэма – кроме величайшего в нашей литературе незавершенного образца, оставленного Гоголем, – до сих пор не состоялась. Попытки делались после революции, и ближе всех к идеалу подошел Пастернак. Единственный минус “Доктора Живаго” – недостаточная решительность в разрыве с реалистической традицией, давно уже неактуальной. Из более поздних авторов ярче других выглядит Аксенов. Русская национальная поэма, как мне кажется, была невозможна именно из-за мучительной двойственности самого русского характера и русской государственности, из-за несовместимости двух ликов России и непроявленности третьего, настоящего. Об этом я и написал поэму “ЖД”, которая не претендует сформировать нацию. Это скорее попытка объяснить, почему нация до сих пор не сформирована.

Поэма о двух национальных характерах – варяжском и хазарском – и о том, почему третий, истинно русский, не спешит формироваться. Главная проблема книги – сознательный отказ коренного населения от истории, своеобразная версия исторического бессмертия.

Главные темы “ЖД”, как положено, – война и странствие. Война идет между варягами и хазарами за главную спорную территорию – Россию – и происходит в недалеком будущем. Сюжет вертится вокруг четырех странствий: капитан Громов едет в отпуск к любимой, оказавшейся в добровольно-принудительной эвакуации в Махачкале; майор Волохов водит по России свой небольшой отряд, надеясь, как некогда Моисей, “вывести” новую нацию в обоих смыслах слова; губернатор Бороздин, преследуемый властями за связь с туземкой, сбегает из Сибири, где служит наместником; наконец, девочка-подросток помогает бомжу сбежать из Москвы, где на бомжей (называемых в книге “васьками”) начата повальная облава. Встречи и расставания этих людей, пересечения их путей и взаимные подозрения составляют фабулу. Все четыре странствия пролегают через две главные русские деревни, два российских сельских архетипа: деревню Жадруново, где никогда ничего нет (и все исчезает), и деревню Дегунино, где всегда все есть. Именно в Дегунине расположены две главные национальные святыни – печка и яблонька.

Примерно представляю себе, какого рода упреки вызовет моя книга. Хазары наверняка упрекнут в хазарофобии, а варяги – в антиваряжестве. Кто-то сочтет мою книгу безответственной, разжигающей национальную рознь – есть категория людей, которые любят обвинять, потому что не любят думать. Для них замкнутый круг русской истории, которая в ее христианском смысле до сих пор не началась, – оптимальный образ жизни: можно не рождаться и, следовательно, не умирать. Любой, кто пытается разорвать этот круг, представляется охранителю врагом народа...

(...)

Если ненависть к автору этой книги объединит хазар с варягами и поможет наконец консолидировать нацию хоть на этой почве – возражать не буду, хотя все мои симпатии не на той или другой, а на третьей стороне.

“ЖД” – роман-наваждение, его ходы и повороты преследуют меня лет двадцать, с тех самых пор, как я на первом курсе начал писать стилизованную пьесу в стихах о бродячих артистах, старике и девушке, скитающихся по некоей условной стране в попытке убежать от столь же условного преследователя. Романы-наваждения хорошими не бывают. Но литература и не обязана быть хорошей, более того – в иные времена ей это вредно. Мне хотелось написать не хороший ро-

ман, а такой, какой мерещился. Многое тут сделано на ощупь, гадательно. Думаю, за некоторые догадки и совпадения своих мыслей с моими читатель меня простит.

Нет обязательной для всех расшифровки названия – “ЖД”: железная дорога, жесткий диск, жаркие денечки, жирный Дима, жуй давай, жуткая дрянь, жалко денег, живой дневник, Живаго-доктор. Я придерживаюсь варианта “Живые души”.

Автор

СНЕГИРЕВ АЛЕКСАНДР родился в 1980 году в Москве.

Окончил Российский университет дружбы народов, получив звание магистра политологии. Учится там же в аспирантуре. **Лауреат премии «Дебют» за 2005 год в номинации «Малая проза» за "Выборы" и другие рассказы.**

По словам Евгения Попова, «лауреат литературной премии «Дебют 2005» Александр Снегирев принадлежит к тому первому непуганому поколению россиян, чье розовое детство пришлось на годы перестройки, а юность пока что продолжается. Молодой писатель родился и вырос в Москве, получил высшее образование и таинственный титул «магистр политологии». Путешествовал по Европе, Азии, Африке и Америке не в качестве мальчика-мажора, а работая мусорщиком, официантом, строительным рабочим и пр. Сейчас снимает короткометражки, пытается работать в большом кино, короче говоря, находится «в самом начале творческого пути».

И путь этот, между прочим, отчетливо просматривается. Премия – это, конечно, хорошо, но лично меня в его сочинениях привлекло то, что Снегирев пытается работать «поверх барьеров» авангардизма, «чернухи», лакировки, самолюбования, мажора, поппы и прочей мути. Что ему, большей частью, удастся. Писать такие короткие реалистические (извините, критики, за выражение) рассказы трудно, но весело. Окружающая нас жизнь своим обилием сюжетов, безобразий и нежности тому вполне способствует».

Из рассказа «Выборы»

Все порядочные люди осуществляют в этот день, с восьми утра до восьми вечера, свое волеизъявление. Я зарабатываю деньги на карманные расходы, работаю наблюдателем от одной крупной партии на участке № 4. Участок располагается прямо в подъезде моего приятеля Шульца.

Делать особо нечего. Иногда я звоню в штаб партии и сообщая процент проголосовавших. А в остальное время сижу и читаю роман Фриша «Назову себя Гантенбайн». Мне больше всего нравится момент, когда герой ездит на «порше» по швейцарским горным дорогам. Я бы и сам не прочь прокатиться на таком автомобиле по захватывающему серпантину.

Рядом сидят другие наблюдатели: бабуся от КПРФ и дяденька неизвестно от кого. (...) Выборы проходят спокойно.

В четыре часа произошел инцидент. В помещение ворвалась разгоряченная блондинка и с места в карьер принялась требовать разрешения проголосовать за ее бабушку. Бабуля, мол, приболела, находится в больнице и сама явиться не может. Блондинке, понятное дело, не разрешают. Она настаивает. Ей не разрешают. Тут она краснеет вся, надувается, будто тотчас лопнет, и начинает реветь. Эта блондинка в моей школе училась на несколько лет старше. Я ее помню. У нее всегда пуговики на блузке почти отскакивали, такая грудь здоровая.

После того как блондинка ушла, оглашая рыданиями округу, и страсти улеглись, меня вызвали контролировать голосование на дому. Парень из комиссии взял маленькую урну, и мы отправились по адресам больных и немощных в ближайшие дома. В первой квартире нас встретила явная симулянтка. Сидит эдакая толстуха и смотрит телек на кухне. Типа сама прийти не могла. Затем последовала недавно прооперированная старушка, пахнувшая лекарствами. Душистую бабуся сменил бородатый дядька с тощей женой. Весь дом у него до потолка завален геологической литературой. Геолог, наверное. Этот геолог был весьма бодренький, а когда почувствовал наше недоверие, то принялся втирать про какие-то уколы. Одно расстройство с этим дядькой. Мало того что он нас задержал, так еще в подъезде на нас наорала консьержка, похожая на дедушкину любовницу, какой я ее запомнил с четырех лет. Такая же сучка с высокой прической а-ля Екатерина Великая. Была еще дамочка на костылях. Представилась

журналисткой и проголосовала за журналистку. Не знаю уж, журналистка она или нет, но квартира ее мне очень понравилась. Во-первых – нет никакой мебели, во-вторых – комнаты огромные, и их много.

Завершением похода явились две преинтересные квартирки. Первая – жутко вонючая, со слепой пенсионеркой. Кроме нее в квартире находились ее бородатый сын и внук. Ну и воняло же у них! Мало того что бабуся лежащая, так они еще кошек вздумали разводить. Пока я сидел в инвалидном кресле с дыркой для горшка и терпеливо давал пояснения, бородатый успел назвать одну из кандидаток, ту, за которую проголосовала журналистка на костылях, проституткой, а уважаемого политика – старым пердуном. Минут через двадцать заботливые дети и внуки втолковали слепой старухе, кто есть кто, и поставили галочку (там ли, где сказала бабуся, или нет, я не видел), а мы отправились дальше.

На сладкое досталась усталая мамаша, которая сразу же исчезла за поворотом коридора, бросив на ходу «сейчас разбужу». Будила она, как оказалось, сына. Сын по имени был кавказец, а по виду наркоман. Худющий – ужас! Не пойму, чего он сам не пришел? Наверное, мама из дому не выпускает.

Пробило восемь, и наступил момент закрытия участка. Я понесся сломя голову в буфет и минут за пять съел тысячу бутербродов с сыром и с чем-то коричневым. Пока у меня был набит рот, сухая гримза из комиссии твердила мне о пользе черного чая и про то, как она его фигачит целыми литрами по утрам натошак из пиалы. В слове «пиала» гримза упорно ставила ударение на последнюю гласную. Получалось «пиала». Короче, через пять минут я ринулся прочь из буфета от этой тетки с ее пиалой, так она меня задолбала.

(...)

Пока шел подсчет голосов, я тарасил глаза. Мне хотелось спать. Мой взгляд постоянно натывался на огромные глаза дамочки с пиалой. Глаза у нее были величиной с очки, а очки приобретены, видимо, еще во времена советского диско. Тогда было модно носить громадные. Она наверняка одинока. Не нашелся еще герой, готовый заглянуть в эти глаза.(...)

Бабульки от коммунистов спорили о том, почему их партия очевидно проигрывает. Они сошлись на мысли, что был, мол, план наступать сетью. Проще говоря, партия раскололась. А бабушки пере-

живают, говорят: «Товарищи недосмотрели».

Подсчет голосов близился к концу. С председательшей сделалась истерика от стресса и усталости. Она то хохотала, то рыдала. Выглядело это не очень: сами понимаете, слушать всякие «гы-гы-гы» и «я больше не могу» в половине второго ночи не самое приятное занятие.

Потихоньку все стали бледно-желтыми, а мужики вдобавок щетинистыми, кроме самых нежных, с пунцово-розовыми щечками. Я смотрел по сторонам и думал, что было бы клёво тут крутить кино. И места достаточно, и есть где экран повесить.

Свое дело члены комиссии завершили к трем утра. Я с заверенными протоколами под мышкой направился в штаб. Он располагался неподалеку, в десяти минутах ходьбы, около универсама «Москва». Ум мой к тому моменту значительно притупился, и я больше не замечал ничего интересного. Помню лишь крупного таракана на стене в штабе. Таракан был размером со среднюю лягушку.

Я остался всем доволен. Опыт, который я приобрел, и полученные впечатления обогатили мой внутренний мир, а растворимого кофе и печенья «Юбилейное» я поглотил на одну-две жизни вперед, это как минимум.

Список литературы:

Аксенов, В. Вольтерьянцы и вольтерьянки [Текст] / В. Аксенов. - М.: ИзографЪ, Эксмо, 2005. – 400 с.

Аксенов Василий Павлович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>

Без царя, но с премией [Электронный ресурс]: Лауреатом Бунинской премии 2006 года стал Андрей Битов. – Режим доступа: <http://www.knigoboz.ru>

Битов, А. "В лужицах была буря..." (Мания последования) [Текст] // Звезда. – 2002. - № 8.

Битов Андрей Георгиевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>

Боровикова, В. Писатель Михаил Шишкин: «В России государство – это главный враг, и его нужно бояться» [Электронный ресурс] / В. Боровикова – Режим доступа: <http://www.newizv.ru>

Быков, Д. ЖД. Главы из поэмы [Текст] / Д. Быков // Октябрь. – 2006. № 8.

Войнович Владимир Николаевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>

Войнович, В. Монументальная пропаганда [Текст]: Роман. / В. Войнович. – М.: Изограф, Эксмо-Пресс, 2000. – 384 с.

Денис Гуцко. Русскоговорящий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.delfi.lv/news>

Дмитрий Быков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bigbook.ru>

Дмитрий Львович Быков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belousenko.com>

Людмила Улицкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bigbook.ru>

Лукьянин, В. «Непрочитанная» Славникова [Текст] / В. Лукьянин // Бажовские лауреаты. – Екатеринбург: ПАРКУС, 2004. – 204 с.

Маканин, В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>

Маканин, В. Андеграунд, или герой нашего времени [Текст]: Роман / В. Маканин. – М.: Вагриус, 1999. – 557 с.

Пелевин Виктор Олегович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>

Пелевин, В. О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда [Текст]: Избранные произведения. / В.О. Пелевин. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 352 с.

Славникова Ольга Александровна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru>

Славникова, О. Басилевс [Текст] Рассказ // Знамя. – 2007. - № 1. – С. 6-34.

Толстая Татьяна Никитична [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru>

Толстая, Т. Кысь [Текст]: Роман / Т. Толстая. - М.: Подкова: Иностранка, 2001. - 381 с.

Улицкая Людмила Евгеньевна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru>

Улицкая, Л.Е. Два рассказа [Текст] / Л.Е. Улицкая. – Новый мир. – 2005. - № 3.

Черняк, М.А. Сведения о писателях [Текст] / М.А. Черняк // Современная русская литература / М.А. Черняк. – СПб.; М.: САГА: ФОРУМ, 2004. – С. 303-324.

Черняк, М.А. Четыре «поколения» современных писателей [Текст] / М.А. Черняк // Современная русская литература. – СПб.; М., 2004. – С. 9-12.

Юферова, Я. Редкая порода. Василий Аксенов представил новый роман о блеске и нищете олигархов [Электронный ресурс] / Я. Юферова. – Режим доступа: [http: // www.rg.ru](http://www.rg.ru)

Новая литература Урала.

У каждого писателя всегда есть свой край, свой город, своя река – это отличительные черты настоящего художника.

Александр Твардовский

Литература не признает масштаба более локального, чем национальный. Андрей Платонов, откликаясь на коллективный сборник стихотворений, вышедший в одном из областных издательств, мудро заметил: каждая область может обеспечивать себя картофелем и другими овощами, но она не нуждается в «областных» прозаиках и поэтах. Русская литература – явление целостное и единое. В ней нет отдельных сибирских, уральских, поволжских или каких-то иных автономий. И в то же время Россия настолько обширна, настолько разнообразна по своим географическим, природным, этническим, культурным, экономическим условиям, что о полном единообразии и речи быть не может. Здесь весь секрет в единстве многообразия – в том, как общее проявляется в особенном, а часть влияет на целое.

По словам уральского поэта *Юрия Казарина*, «если, скажем, московская и ленинградская литература в советские времена выделялась в качестве самостоятельных, а региональная литература оставалась на задворках культуры в силу жесткой централизации всех сфер общественной жизни, то сегодня мы говорим о том, что существует не две, а три, как минимум, культурных столицы России: Москва, Санкт-Петербург и Екатеринбург. Кстати, сегодня Екатеринбург тот город, в котором существует единственный выживший в постсоветские рыночные времена региональный литературный журнал [«Урал»]».

В январе 1988 года вышел в свет экспериментальный номер журнала «Урал», который очень быстро стал одним из перестроечных бестселлеров. Как в последствие писал *С. Чупринин*, этим номером «впервые в России были легализованы, крупно представлены и отечественный постмодерн, и отечественный андеграунд». На его страни-

цах не без эклектической пестроты встретились страшный натуралистический рассказ об афганской войне (*О. Хандусь* «Он был мой самый лучший друг») и изящная «древнекитайская» стилизация (*Вл. Пирожников* «Пять тысяч слов»), виртуозно-усложненная кафкианская притча (*А. Иванченко* «Техника безопасности I») и стихи автора знаменитых тогда текстов рок-группы «Наутилус-Помпилиус» (*И. Кормильцев* «Стихи для огненнокрылого пса»), «мовистская» лирическая проза с центральным фрагментом, посвященным полузапретному рок-фестивалю и легендарному Б.Г. (*А. Матвеев* «В поисках ближнего»), и мрачная антиутопия (*А. Крашенинников* «Одна-единственная»), сюрреалистические новеллы *А. Верникова* и «стебные» тексты *А. Козлова* и *В. Дрожащих...* Само перечисление дает представление не только о составе этого журнала, но и о наиболее ярких направлениях новой литературы на Урале.

Вслед за экспериментальным номером в «Урале» стал появляться «журнал в журнале» «Текст», где публиковались произведения все тех же и некоторых других авторов (*В. Яницкого, М. Кудимовой, А. Еременко, В. Курицына, О. Славниковой, В. Месяца, И. Богданова, С. Мокши*). Многие авторы «Текста» вскоре стали печатать свои произведения в столичных изданиях, в особенности в «Новом мире» и «Знамени». Все это происходило в определенном культурном контексте – в эти же годы родился всероссийский успех уральской школы документалистики, загремел повсюду «свердловский рок», тогда же ставил свои модернистские феерии Александр Титтель (на сцене Свердловского оперного) и Анатолий Праудин (ТЮЗ), снимал свои лучшие фильмы *В. Хотиненко*, то тут, то там открывались интереснейшие художественные выставки. Одним словом, конец 80-х – начало 90-х были годами культурного взрыва на Урале.

Причем, большинство новых явлений в искусстве и литературе тех лет выделялись прежде всего своей модернистской и постмодернистской направленностью. Свердловск полушутливо даже стали называть «третьей столицей» русского постмодернизма (после Москвы и Питера). Такая смена эстетической ориентации лишь на первый взгляд противоречит устойчивым реалистическим приоритетам уральской культуры. Поворот в сторону модернизма и постмодернизма, во-первых, был характерен для общероссийской культурной ситуации. Но были и собственно уральские факторы. Особенность уральской культурной ситуации состоит в том, что была создана

мощная культурная почва для того, чтобы актуализировались культурно-центрические тенденции. Особенность уральской культурной ситуации состоит в том, что эта почва была создана прежде всего усилиями «шестидесятников», и наиболее интенсивным периодом ее формирования были так называемые «годы застоя». Атмосфера уважения к сложной и неординарной словесности стала складываться в журнале «Урал» с тех пор, как его главным редактором стал *В.П. Лукьянин*. Многие молодые поэты и прозаики Свердловска обязаны своим открытием *Майе Никулиной* и ее ЛИТО (Литературному объединению) при Уральском университете. Очень важную и серьезную культурную аудиторию на Урале создавали филологические факультеты Уральского и Пермского госуниверситетов, Свердловского пединститута, кафедра эстетики философского факультета Уральского университета (научная школа *А.Ф. Еремеева*). Имена и работы *Виталия Воловича, Михаила Брусиловского, Сергея Гольнца, Якова Тубина, Беллы Дижур, Игоря Тарабукина, Владислава Крапивина, Андрея Ромашова* также значили многое для уральской интеллигенции 70-80-х.

Культурная почва создавалась трудами этих и многих других подвижников, и нет ничего случайного в том, что в 80-е годы в литературу Урала приходит новая генерация писателей. Таких в общем-то очень разных авторов, как *А. Иванченко, Н. Коляда, А. Матвеев, В. Исаков, А. Верников, Ан. Новиков, А. Королев, В. Яницкий, Л. Юзefович, Ю. Кокошко, А. Бархоленко, Н. Горланова, Н. Вигорова, Ю. Бриль, В. Белоножко, О. Славникова, Т. Тайганова, В. Месяц, Е. Касимов, И. Богданов*, объединяло, во-первых, резкое отталкивание от традиций социологического реализма, столь характерного для уральской литературы 60-70-х годов. Во-вторых, всем им в той или иной степени было присуще стремление ввести специфический для Урала «провинциальный» опыт в более «вечные» контексты, используя для этих целей приемы мифологизации, выработанные различными течениями модернизма и постмодернизма. Эти установки глубоко совпали с общими координатами общероссийской литературной ситуации 80-х годов: восстановление контакта между «провинцией» и «вечностью» оказалось проблемой всей русской литературы, ищущей свое место в мировой культуре. Этим, в частности, объясняется то, что поиски молодых уральских писателей получили широкий резонанс, далеко выходящий за пределы Уральского региона.

«В масштабах России нужно обращать внимание на масштабы литературы, когда количество переходит в качество, - подчеркивает прозаик и поэт, председатель отделения Союза писателей России *Владимир Блинов*. - Если говорить об уральской литературе, то ... вот сейчас, благодаря “Уралу”, мы узнаем массу новых имен,... Например, *Наталья Смирнова* с ее рассказами. Написано нестандартно, психологически интересно, с такими вот закидонами и странностями, которые не портят, но украшают».

«По поводу молодежи» высказался и знаменитый уральский драматург, главный редактор журнала «Урал» *Николай Коляда*: «*Анну Матвееву* в каком-то смысле именно “Урал” открыл. Она, может, и не всем нравится, но я уверен, мы не ошиблись. Молодая, интересная, перспективная писательница. Она уже выдвинута на несколько премий — заслуженно выдвинута, я считаю.

У *Олега Захарова* в “Площади Обороны”, мне кажется, есть что-то болезненное и живое, берущее за душу, попадающее в нерв. Посмотрим, как он будет развиваться в будущем, но публикация большого романа на страницах “Урала” — для него это стимул и в какой-то мере аванс. Сходная ситуация и с *Андреем Попковым*. Он появился в молодежном номере два года назад, потом мы напечатали его роман. Сейчас посмотрим, что он будет писать дальше. Не могу не упомянуть и *Андрея Ильенкова*. Он и раньше печатал в “Урале” стихи, но вот сейчас выступает как прозаик. Очень талантливый автор, перспективный.

(...) “Черную бабочку” *Дмитрия Шкарина* ... мы опубликовали очень мелким шрифтом в молодежном номере в 2000-м году. Мелким шрифтом потому, что уж больно скандальная вещь, “неприличная”. Но это просто замечательное произведение, иначе не скажешь. (...) Да, за последнее время на страницах “Урала” появилось много новых имен, какие-то ориентиры поменялись. Но так и должно быть. Ведь нельзя оставаться вечно. Испытал свой звездный час и посторонись, дай дорогу. Нельзя думать, что ты вечен, таковы законы не только природы, но и искусства.

При всем при том я никак не могу сказать, что мы только молодых печатаем, что забыли мастеров».

«Сейчас журнал стал открытым, чего раньше не было, соглашается с коллегой *Арсен Титов*, председатель правления Екатеринбургского отделения Союза российских писателей, - В этой ситуации открытых дверей “Урал” печатает и Н.Никонова, и начинающего мо-

дерниста. Но это нормальная амплитуда, это и есть отражение того, что происходит в литературе».

Что касается качества современной региональной литературы, ее роли в художественном процессе, прозаик и поэт *Герман Дробиз* полагает: «Раньше понятия “региональная”, “провинциальная” литература обозначали не только географическую принадлежность, но и некий средний литературно-художественный уровень, который без разговоров следовало считать ниже столичного. Такая вот вторичная, без больших художественных открытий литература. Но я бы сказал, что сегодня мы имеем основания эти формулировки оставить в прошлом. Конечно, две мощнейшие федерации — московская и питерская — это по-прежнему нечто, определяющее русскую литературу, литературу, которая пишется на русском языке. (...). Но региональная литература стала преодолевать географические границы, в первую очередь, по своему качеству и как бы обретать нечто соизмеримое с той словесностью, которая создается в этих двух исторически возникших центрах. (...) Мне кажется, что настоящим признаком полноценной литературы будет ощущение, что и у нас тоже рождаются великие традиции. (...) литературный пейзаж у нас стал пестрее и разнообразней, чем десять лет назад. И теперь можно мечтать, что со временем у нас будут свои традиции».

В том, что новая уральская литература не уступает столичной, можно убедиться, познакомившись с произведениями некоторых *лауреатов уральских литературных премий последних лет*.

ТИТОВ, АРСЕН БОРИСОВИЧ родился в 1948 году в Башкирии, окончил исторический факультет Уральского государственного университета. Он — автор книг «Старший сержант дед Михаил», «Новеллы», «Вот мамелюки!», «Хроника букейских империй», «Одинокое мое счастье» и др. Член Союза писателей России, председатель правления Екатеринбургского отделения Союза российских писателей.
Лауреат премии губернатора Свердловской области, Всероссийской премии

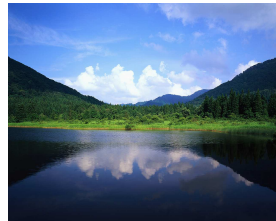
им.Д.Н. Мамина-Сибиряка. В 2005 г А. Титову была вручена «Бажовская премия» в номинации "Проза" за рассказы "Кавказские новеллы" .

Большое место в творчестве А.Титова занимает тема родовых корней, Отечества, взаимоотношения людей разных национальностей, культур и вероисповеданий. «Мама еще в раннем моем детстве на вопрос кто же я, грузин или русский, вздохнув, сказала: "Создал тебя Господь, сыночек, да тут же и заплакал!» - вспоминает писатель. И еще вспоминает, как «тоскуя по никогда в ту пору не виданной мной Грузии, рисовал географические карты ее и окрестностей и рисовал сражения грузин с врагами» и как потом отец дал ему «старый листок с написанной его рукой грузинской азбукой». И до сих пор, по словам А. Титова, он «всех достает своим грузинством, так что некоторые и, возможно, еще кто-то считают – хватит».

«Я совсем не приемлю, - говорит А. Титов, - нынешних общественных постулатов типа: 1) жить стало хуже некуда, 2) во что теперь верить? 3) нет национальной идеи. Надо вспомнить жизнь наших родителей и их родителей - и сразу станет видно, что жить хуже еще есть куда. Надо сознавать свое предназначение на земле, предназначение родителя, друга, гражданина, а верить можно в коммунизм, в Бога, в самого себя, тем более что это есть одно, и то - если вера. Не надо искать того, что дано нам в руки. У нас есть Россия (у меня еще - Грузия, кому-то другому - его страна), и процветание ее - наша общая цель. Если под национальной идеей понимать что-то другое, тогда, наверно, хорошо, что этой идеи нет».

Из новеллы «Деревня за горой»

Деревня и озеро одно название имеют и — два щенка к матери — жмутся к горе. Деревня еще похожа на встревоженного, но спутанного ястреба, а озеро — на вдавленную в землю мелкую монету. Вокруг ничего не растет, как при кизилбашах, только кукурузное поле, где каждую осень тьма перепелов прячется. Рыжая позадь деревни по склону бродит, тянется, как старая одноголосая песня.

Будто бы они и появились тут в одно время — озеро и деревня. Кровник горец обидчиков искал, да не нашел, уже было домой повернул, но остановился. Захотел тут поселиться. Поселиться захотел, да про князей вспомнил: в крепостного превратят. Развязал мешочек со своей горной землей и высыпал, вот-де земля моя, я ничего не должен тебе, князь. С той землей выпала льдинка. Видно, под самым небом жил человек, коли земля со льдом у него.

Из льдинки озеро сделалось, а деревню он сам построил.

Кровником он вот с чего стал — было или не было.

Еще отчаянный человек рискнул бы одолеть перевалы, еще скряга-дуб торговался за каждый свой медный лист и отдавал его ветру не иначе как с проклятьями, но зима уже Тамерланом ворвалась в горы.

Волки пригнали в деревню людей. Двое — мужчина и женщина — деваться им было некуда. Осыпаемая снежной крупой, деревня согласилась оставить их у себя. Спросила, за что определено им изгнание. Ответа или не получила, или потом забыла его.

Горы не велят принимать изгнанников. А здесь посмотрели в небо, начисто срезавшее все окрестные вершины, подставили лица снежным искрам, вспомнили волков и тяжелый живот пришедшей женщины. Мощный старик со свирепым лицом, род которого почитался первым в деревне, сказал:

— Наказать можно за свершенное. У этих двух есть третий. Он еще ничего не сделал — ни худого, ни доброго. Пусть он придет в этот мир.

В старину сказано: начало — половина сделанного. За этими через какое-то время пришли другие. За ними — третьи. Приняв тех, деревня не смогла отказать этим. И все оставались в ней, находя крышу и хлеб. Она не забывала, кто они, и называла всех по фамилии свирепого на вид старика, который первым решился принять их. А чтобы не путаться, стала, если речь заходила о старике и его родственниках, произносить перед фамилией слово “подлинные”, а когда заговаривала о пришельцах, то к фамилии добавляла слово “ненастоящие”. Их это не радовало. Но выбор был мал, как зимний день или овечий хвост. И они мирились, потерей чести оплатив жизнь. Когда цена столь велика, покупка приносит беду.

Никто не считал годы, копившие ее. Но их прошло достаточно, чтобы она смогла вырасти не в одном сердце. Она переходила из поколения в поколение с кровью отца и молоком матери. И когда на

очажной цепи следы клятвы прочно затянулись сажей, кто-то из настоящих впервые сказал:

— Хватит!

— Хватит! — задергались кадыки у мужчин той половины деревни, что была заселена ненастоящими.

— Эти подлинные сделали нас рабами! — поддакнули им женщины.

— Мы тоже благородной крови! — спесиво зажглись глаза у всех. — Наши фамилии ничуть не хуже этой нынешней!

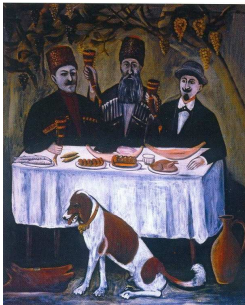
Но рабами ненастоящие не были, и фамилий своих они лишились в день изгнания — не здесь. Здесь они получили жизнь.

(...)

В храмовый праздник очень славословились мудрость, доброта и смелость старика со свирепым лицом. Утверждалось, что он в величии своем достиг горных вершин и даже превзошел их. Горы ведь считают преступлением приютить изгнанника — а старик отважился на это. В нем человеческое сердце — не каменное, а мудрость его сродни божьей.

(...).

Весело и торжественно течет пир. Телячья кровь, столь обильно омывшая алтари и жертвенники, загустела и потускнела. Запах ее давно уже забит запахом шашлыка и арака, чеснока и хлеба. Маленьким солнышком светится на каждом столе несравненный по вкусу пирог с сыром — да продлятся дни того человека, который преломит его на всех со словами мира. Кипит в котлах сырная каша — останется разве равнодушным к ней хоть один человек под этим небом. Благоухает и неодолимо тянет к себе пища богов — пирог с мясом. К самым льдам, вызывая у них слезы, поднимаются сладкие и грустные песни расставшихся сегодня музыкантов.

Но вдруг у некоторых багряным пологом колыхнулось небо. Вдруг не пиво пенное брызнуло на столы. Завыли собаки, и забесились кони. Небывалый красный дождь прошел над лугом, и вскрикнула разрубленная свирель.

Один из ненастоящих, кому это было поручено заранее, нашел

повод придаться к кому-то из подлинных. Это послужило сигналом. Ворвались подкупленные люди соседнего племени, и началась резня.

Все были утром на празднике — и подлинные, и ненастоящие. Вечером не было ни тех, ни других. Подлинных предали земле, а ненастоящие перестали быть таковыми, потому что называть их так было некому.

Одна беременная женщина, жена младшего из потомков величавого старика, ждавшая первенца, не пришла на праздник. Ей положено было находиться в хлеву. Предупрежденная кем-то из ненастоящих, когда они зорко следили, чтобы ни один никуда не отлучился и был бы вместе со всеми связан кровью, она укрылась в горах и родила мальчика. Ни он, ни дети его, ни внуки не знали долгое время о случившемся. Если бы у женщины хватило ума рассказать, пошедший мстить сын ее как бы смог устоять против целой деревни? А так фамилия успела разрастись и окрепнуть, прежде чем в нее принесли утаенные слова.

Когда бывшие ненастоящие узнали, что из очага подлинных ветер сумел-таки унести одну искорку, они потеряли покой. И, подточенные постоянным страхом, наконец не выдержали, оставили деревню и ушли. Говорят, что они разбрелись в разные стороны. Сначала будто бы они пошли всей деревней, но им встретился иссохший и согнутый временем старик, глаза которого, однако, пылали необычайно молодо. Он и посоветовал им разбрестись, чтобы однажды не подвергнуться нападению и не погибнуть всем враз. Якобы стариком был сам дьявол. А кто бы еще придумал такое?

Так или не так, но этих людей сейчас уже нет, если только они не скрылись под другой фамилией и опять не стали ненастоящими.

Возродившиеся подлинные посчитали наказание достаточным и всей фамилией согласились их не искать и крови не брать. С этого дня будто божья десница простерта над ними. Все они крепки здоровьем и тверды духом. Все статны и красивы — хоть мужчина, хоть женщина. Во всех делах их неизменно присутствует удача. И если кому-то выпадает смерть, то она всегда случается на людях, так что доподлинно известно, с кем, где, когда и как это произошло — в бою ли, в схватке ли со зверем, в застенке или дома в постели. Излишне говорить, что они свой последний час встречают достойно.

Только один человек не удовлетворился наказанием и пошел искать ненастоящих. Уходя, он прихватил с собой небольшой мешочек

горной земли. Для чего она ему сгодится, он не знал, но всюду носил ее. Исходив полсвета и износив семьдесят пар чувяков, он, сам не зная как, вдруг снова оказался перед родными горами. Хотел уже было подняться к себе в деревню, но вдруг подумал, что за время его поисков все родственники обустроились, обзавелись детьми, стадами и иным достатком.

— Я спасал фамилию от бесчестия, а надо мной все будут смеяться! — сказал он, глядя на свои пыльные лохмотья.

И неприязнь кольнула его сердце.

— Останусь здесь, разбогатею, — он обвел глазами тучную долину, где стоял, — как царь приеду к ним!

Он развязал свой мешочек и развеял землю из него по округе.

— Вот земля моя. Я ничего не должен тебе, князь!

Да только ведь сказано: небо, землю и себя самого не обманешь. Горная земля, не знавшая долинного солнца и долинных тягот, сколько ни старалась, ничего, кроме скудных урожаев кукурузы, дать не могла.

Узнав о своем бедствующем родственнике, новые подлинные приехали уговорить его вернуться.

— Туда, где нет твоей головы, не клади ноги! — сказали они, и он не смог им возразить.

— Из тысячи вынь единицу — и не будет тысячи! — еще сказали они. И он снова согласился.

Но ему было стыдно за ту несправедливость, которую он допустил в мыслях по отношению к ним. Поэтому он ответил, что вернется, но только сначала соберет всю принесенную сюда и разбросанную горную землю.

— Сколько ее было? — спросили они.

— С горсть нежадного человека! — ответил он.

— Собирай и догоняй! — сказали они и тронули коней.

Они вообще-то не спешили и могли бы подождать. Но у уходящего из дому человека всегда найдется дело не для посторонних глаз.

А он так и остался на той земле, где перемешал свою горную землю с землей долины. Как бы он их различил?

Было или не было. Деревенька стоит, и озеро рядом есть. И оба они, говорят, в один день появились. Деревня, как спутанный ястреб, вскинулась, взлететь силится. А озеро монеткой в землю вдавилось. В одной горсти умещались.

ИСХАКОВ, ВАЛЕРИЙ ЭЛЬБРУСОВИЧ родился 26 декабря

1949 года в городе Казани.

Окончил Завод-ВТУЗ при ЗИЛе в 1973 г. и работал на ЗИЛе в Москве, на Уральском моторном заводе. В 1982 г. окончил Литературный институт.

Первый свой рассказ написал в 1976 г. С 1981 — литсотрудник, позднее зав. отделом прозы, зав. литературным отделом и, наконец, зам. Главного редактора в журнале «Урал» (Екатеринбург). Инициатор и один из редакторов журнала в журнале «Текст» («Урал», 1990-1991). Автор книг «Прочие опасности», «Дерево в чужом саду».

В журналах «Урал», «Знамя», «Новый мир» и «Дружба народов» были опубликованы его повести («Как пройти к музыке», «Пудель Артамон», «Пистолет Макаренко») и романы («Екатеринбург», «Каникулы для меланхоликов», «Читатель Чехова», «Жизнь не о чем»). Роман «Легкий привкус измены» был опубликован в журнале «Дружба народов» в 2002 г. и вышел отдельной книгой в 2003 г. в издательстве «Вагриус». Переводил прозу с английского языка.

В его стиле чувствуется школа европейского модернизма — ориентация на сюжетность, подкрепленную интеллектуальной интригой. В центре внимания, как правило, фигура парадоксалиста, человека-загадки, неустанно и иронично анализирующего собственный опыт и пытающегося извлечь из него экзистенциальный урок. С другой стороны, персонажи его прозы чем-то напоминают о героях молодежной прозы 60-х — тоже парадоксалистах и иронистах, напряженно отстаивающих свое право на личную свободу, на духовное самоопределение. В произведениях Исхакова разрабатывается тема социально-философского тупика: констатация бессмысленности жизни как общепринятой нормы преобразовывала социальный тупик в философскую проблему. Трагическая тема безысходного рока впечатана в бытовую повседневность российской (уральской) провинции. Единственный выход, который возможен для геро-

ев Исхакова — просто жить, подчиняясь логике повседневных связей и зависимостей, обживая доставшийся географический рок и не пытаясь вырваться из его плена.

Особенно характерной и программной для прозы Исхакова представляется его повесть «Принцип неподвижности». В ней наиболее полно явлен тип героя и конфликта, возникающий после крушения надежды на то, что человек, верящий в свободу в творческом деянии, способен одолеть вязкую власть бытовых, социальных и экзистенциальных обстоятельств, полностью лишаящих личность свободы, обрекающих на инерцию и бессмысленность.

В. Исхаков - лауреат Премии им.П.П. Бажова за 2004 г. (за роман «Жизнь ни о чем»)

Из романа «Жизнь ни о чем»

Не спрашивайте меня, о чем эта книга. Спросите лучше себя, о чем ваша жизнь.

В.И.

(...)

1. День первый. Суббота, 13 июля

1

Мечтать — глупое занятие. Может быть, даже более глупое, чем не мечтать вовсе. Ни один взрослый человек не признается вслух, что предается этому занятию постоянно. И тем не менее все мечтают. Все мечтают о своем. И все — по-разному. Мужчины мечтают лучше, зато женщины — сильнее. Сбываются те мечты, что сильнее, и мы, мечтающие лучше, но недостаточно сильно, вынуждены жить в чужих мечтах.

Поначалу это даже приятно: тебя устраивают со всеми удобствами, как в дорогом отеле, и ни за что не надо платить. Кто мечтает — тот и платит по счетам. Однако бесплатный комфорт скоро надоедает, и ты понимаешь: жизнь в чужой мечте — не просто словесная формула. Это на самом деле. Чужая мечта, чужая жизнь, чужой дом, чужая обстановка и одежда. Чужая женщина и чужие дети. Все не хуже, может быть, даже лучше того, о чем ты мечтал, но — чужое.

Ты устроил бы по-другому.

Ты затеваешь небольшой бунт, ты выясняешь отношения — и с одним чемоданом, где пара сорочек, зубная щетка да нужные для работы книги, уходишь, вырываешься... чтобы рано или поздно понять, что поменял одну чужую мечту на другую.

Что до меня, то мне ясно дали понять: не будет даже иллюзорного бунта. Даже попытки к бегству — и той мои женщины не позволяют мне. И не мечтай, милый! Мы возьмем тебя бережно, словно фарфоровую вазу, словно заболевшего щенка, и переместим из одного женского мира в другой, сотворенный специально для тебя усилиями любящих женушек — бывшей и будущей.

Совместными усилиями, уточнил я.

Ну конечно, совместными, какими еще! Мы всегда все делали вместе, не спорили по пустякам, не ссорились — и теперь вместе будем искать приемлемый выход из создавшегося — созданного тобой, негодник! — положения...

Охотно верю. Когда я думаю о вас, моя бывшая и моя будущая, вижу картину мирных переговоров: одна сторона признает свою капитуляцию, другая — принимает ее, но — достойно, цивилизованно и с таким расчетом, чтобы не повредить предмет переговоров (меня), чтобы победившая сторона могла им пользоваться с теми же удовольствиями и пользой, с какими пользовалась проигравшая.

Я — ваша собственность.

Я — Гданьский коридор.

Я — Калининградская область (бывшая Восточная Пруссия).

Я — предмет сделки.

Горячо любимый обеими сторонами, но — предмет.

Одушевленный, но не имеющий права голоса.

Хотя — имевший. О, я имел! Я очень имел голос, когда решал, с кем хочу жить дальше: с Инной или Майей. Но голос был одноразовый, и после того, как я отдал его в твою пользу, Майя, вы в нем (голосе) более не нуждались.

2

Переговоры велись тайно, без свидетелей, но мне удалось подглядеть то, что не предназначалось для моих глаз. Случайно проезжал мимо нужного места в нужное время, случайно увидел моих женщин вместе, за столиком в уличном кафе, под большим клетчатым зонтом

— и тут же припарковался напротив и прильнул к боковому стеклу. Опускать стекло я не стал: сквозь звон трамваев и рев автомобильных моторов я ничего не услышу, а виден с той стороны буду гораздо лучше.

И вот я за стеклом, наблюдаю, как они чинно сидят бок о бок, очевидно, ждут заказ, потому что на столике ничего нет, только две почти одинаковые дамские сумочки. Затем, как по команде, они протянули руки к сумочкам — каждая к своей — и достали сигареты и зажигалки. Закурили — каждая из своей пачки, от своей зажигалки, — положили сигареты на стол, зажигалки поставили рядом. С такого расстояния не видно, но я знаю, что сигареты у них разные: Инна курит синий “LM”, Майя “Kent” № 4. Зажигалки тоже разные. У Инны изящная позолоченная газовая зажигалка, мой подарок на годовщину свадьбы, у Майи — мужской, без всяких украшений “Zippo”. Также подарок, но не мой и не Горталова (мужа), и не скажет — чей. Вечно таинственная Майя.

Инна и Майя стали подругами в университете и продолжали дружить все эти годы, обмениваясь свежими сплетнями, рецептами и фасонами. Незадолго до нашего разрыва Инна покрасила волосы и сделала прическу, как у Майи, в Майиной парикмахерской, а Майя сшила у портнихи Инны такой же, как у нее, костюмчик: прямая серая юбка с разрезами спереди и сзади и жакет. На переговоры обе пришли в этих костюмчиках. Из-под одинаковых жакетов выглядывают одинаковые белые кофточки с остроносими воротничками, две верхние пуговицы одинаково расстегнуты, в вырезах блестят украшения: нитка жемчуга у Майи, розовые кораллы у Инны. Издали — почти близнецы. Не знай я их так хорошо, так близко — мог бы и перепутать.

Абсолютно ненужное сходство, ворчу я себе под нос. Уходишь от одной женщины к другой, чтобы обрести нечто новое — а тебе будто нарочно демонстрируют, что все женщины одинаковы.

Утешает иллюзорность сходства, созданного удалением от наблюдаемых. Вблизи невозможно спутать твердо очерченные, как бы застывшие под резцом скульптора черты Инны и вечно ускользающие, мерцающие очертания лица Майи. И тела, скрытые под одинаковыми одеждами, на самом деле разные. Спортивное, чуть подсушенное, скуповато отмеренное природой тело Инны не перепутаешь с цветущим, обильным, налитым до яблочного хруста телом Майи.

Инне любая одежда всегда словно великовата. Майя так и рвется из ткани, любые платья, костюмы, джинсы заполняя собой до предела.

И еще они по-разному пахнут. Даже одни и те же духи “звучат” на коже Майи совсем иначе, чем на коже Инны. И с закрытыми глазами я не спутаю их никогда.

За одинаковыми одеждами и прическами прячутся две совершенно непохожие внутренне женщины: рассудительная, уравновешенная Инна (двойное “нн” в ее имени — как две чаши весов) и таинственная, до сих пор загадочная для меня Майя...

Непохожие, но — не чужие. Понимающие друг дружку. Друг дружке сочувствующие. Когда они сидят так вот и болтают, возникает впечатление, что два матерых нелегала, два резидента разных, но дружественных разведок изображают ничего не значащий светский разговор, под прикрытием которого обмениваются условными фразами.

В сущности, кто они такие, эти женщины, как не шпионки в мире мужчин? Они прикидываются гражданками нашей страны, они без акцента говорят на нашем языке и пользуются безупречными с виду документами, но это не их родной язык и документы у них — фальшивые. И когда они выходят замуж, они используют нас как прикрытия, средство для легализации, но их настоящая жизнь, их подлинная родина — среди себе подобных, и в каком бы звании они ни числились у нас, выслуга лет и льготы за беспорочную службу идут им на их особую, женской родине.

Но вот официант принес моим девочкам соки и мороженое — и они перестали быть похожими на резидентов. Вполне натурально прихлебывают сок и облизывают ложечки, и курят вразнобой, и говорят не так серьезно, и смеются от души, а не для маскировки. Инна что-то показывает Майе на пальцах, некий размер, и Майя кивает в ответ, соглашаясь...

Может быть, они смеются надо мной?

Почти наверняка нет. Наблюдателю всегда кажется, что близкие говорят о нем, но редко его подозрения оправдываются. Мы не настолько интересны другим, как воображаем.

Больше я не стал подглядывать и отъехал, стараясь не привлекать внимания. И не привлек. Ни одна впоследствии не упрекнула, что я наблюдал за ними. И обе признались, что обо мне говорили совсем

мало, заранее, в первые минуты переговоров, вынеся мою персону за скобки.

— О чем же вы говорили? — спросил я, неуютно чувствуя себя за пределами скобок (внутри которых действовала иная, недоступная мне, женская грамматика.

— Так... О жизни... — ответила Инна.

— Да ни о чем особенном. О том, как докатились до жизни такой, — ответила Майя).

Обе при этом пожали плечами, но — по-разному. Плечи Инны пожатием изобразили сомнение: какая, мол, жизнь может быть у нее, Инны, без меня... Майя движением плеч выражала просьбу о снисхождении: что с нас взять, дурочек, ну не можем мы жить без мужиков, так устроены.

Этими похожими, но все-таки отличающимися пожатиями плеч скобки раскрылись: со стороны Инны, чтобы выпустить меня за, со стороны Майи — чтобы ввести меня в.

(Внутри скобок было тепло и безопасно. Мы с Майей обнялись и пообещали, что никого сюда не впустим и не выпустим один другого за эти тесные и родные пределы.)

КАСИМОВ, ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ родился 21 апреля 1954

году, в городе Коркино Челябинской области, с 1976 г. живет в Екатеринбурге, учился на филологическом факультете УрГУ, закончил Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Вл. Амлинского). Был организатором «неформальных» поэтических вечеров и выставок, участвовал в многочисленных издательских и журнальных проектах. В 1970-1990-е годы квартира Е. Касимова в доме на ул. Малышева 84 — один из центров литературно-художественной тусовки Свердловска.

Член Союза журналистов России. Публиковался в журналах “Уральский следопыт”, “Урал”, других журналах, в литературных сборниках и антологиях. Автор нескольких сборников стихотворений, прозы, пьес. Журналист, основатель газеты

“Городские куранты”. Поэт, писатель, драматург, автор пьесы «Парк советского периода», поставленной в Музкомедии.

Е. Касимов - **лауреат Премии Губернатора Свердловской области (2006) за сборник прозы и стихов «Казино доктора Брауна»**. В сборник вошла повесть с аналогичным названием, повести «Бесконечный поезд», «Фанза», рассказы и стихи. Сам Евгений Касимов считает книгу своего рода итогом накопленного на данный момент жизненного и творческого опыта.

Из рассказа «**Казино доктора Брауна**»

(...)

Я вздохнул и совсем уж собрался покинуть гульбище, как вдруг из толпы вышел какой-то странный тип с коробом на шее. На плече у него был пристроен здоровенный попугай из папье-маше. Попугай был как живой, но тип — то ли от холода, то ли от водки — был мертвенно бледный, как восковая персона, изображавшая некрасовского коммивояжера. Из-под треуха торчала русая пакля. Окостеневшие губы коробейника вдруг медленно разлепились, и он заговорил невнятным голосом автомата.

— Мы предлагаем вам участие в праздничной лотерее. Фантастический выигрыш. Минимальный риск. Испытайте судьбу. За одну секунду вы можете стать обладателем целого состояния. Не отказывайтесь — удача сама идет вам в руки. Цена билета — десять рублей. Всего десять рублей — и вы участник грандиозной лотереи.

(...)

— Стой! — завопил я, и коробейник немедленно развернулся и встал передо мной, как лист перед травой.

Он зубами стянул с правой руки шубинку, покопался в коробе и ловко развернул веером перед самым моим носом радужные билеты. Тут я и сам не понял, как червонец из внутреннего кармана моего пальто был извлечен моею же рукой и отдан запросто за глянцевый бумажный прямоугольник.

Коробейник немедленно сгинул, а я остался стоять дурак дураком.

На билете был изображен портрет какого-то старика в пышной овальной раме, увенчанной вензелем “Э.Б.”, слева — серия, справа — номер. Ажур. По краю билет был прострочен серебряной нитью. На обратной стороне было вязью написано: “Д-р Браун приглашает” и внизу, помельче, прямым шрифтом — адрес: переулок Химиков, 3 а.

Я вдруг понял, что это совсем рядом, буквально за углом.

(...) Я уже собирался пуститься в обратный путь из этого чертового переулка, заставленного строительными лесами и бочками, как негромко шелкнула пружина замка и дверь распахнулась. Молодой человек с короткой стрижкой и неулыбающимся лицом забрал мой билет, мельком глянул на него и кивнул головой. И я вошел.

(...)

Мы обменялись рукопожатием, потом я был усажен на жесткий тяжелый стул, а хозяин опять воцарился за столом.

— Вам не просто повезло, — улыбаясь, сказал господинчик и потер ладошки, сверкнув перстнем. — Вам неслыханно повезло! Вы вытащили свой выигрышный билет! Свою золотую фишку!

Я открыл рот, но мой визави сложил умоляюще руки на груди.

— Молчите! Молчите! У вас, наверно, голова идет кругом? Это портвейн! Это просто отличный портвейн двадцатилетней выдержки будоражит вашу кровь. Может быть, сигару? Отличные бразильские сигары! Черный табак! Нет? Предпочитаете кубинские? Понимаю. Ну, ладно. Перейдем к делу.

В руках его появился билет, который и привел меня сюда. Он внимательно осмотрел его, изучил с двух сторон, зачем-то понюхал, отложил в сторону, что-то пробормотав себе под нос, накрыл ладошкой рубинового жука и стал елозить им по столу, хищно вперившись в телевизор. Экран вспыхнул ярким зеленым светом, озарив его лицо. Господинчик на секунду замер, медленно поднял обе руки, обнажив белоснежные манжеты, и вдруг обрушился всеми пальцами на клавиатуру, как будто вознамерился сыграть на этой маленькой трескущей доске “Аппассионату”. При этом он все время внимательно смотрел на экран телевизора. Он явно напоминал музыканта, который зорко читает ноты, лежащие перед ним на пюпитре. К сожалению, мне не было видно, что происходит на экране, но я дорого бы дал, чтобы хоть одним глазком поглядеть в этот телевизор. Что это за штука такая? М-м-да. Попал я в переплет.

Закончив свои странные манипуляции, господинчик достал из стола черную бархатную коробочку, в каких обычно продают ювелирные украшения.

— Это ваше, — он выложил на стол желтый металлический кружок и мягко двинул его ко мне.

— Что это такое? Памятная медаль? Или что? Что-то я должен сде-

лать? — усмехнулся я. — Подписать кровью договор? И будет мне счастье. Не так ли, доктор Браун?

— Вы шутник! — рассмеялся господинчик. — Во-первых, я не доктор Браун. Моя фамилия Савояж. Доктор Савояж, если угодно. А доктор Браун — это наш патрон. ... Во-вторых, оставьте вы всю эту средневековую чепуху. Эк вас развезло, однако! Это обыкновенная лотерея. И вам выпала необыкновенная удача. Воспользуйтесь ею. А смысл всего происходящего вы поймете позже. Гораздо позже. Вы никогда не были в Диснейленде? — И тут этот самый доктор понес уже совсем какую-то околесицу. — В студии “Юниверсал”? Или “Метро Голдвин Майер”? В Эпкот-парке? О! Это настоящая история цивилизации!

(...)

— Нет, — сказал, — я никогда не был в Диснейленде, как, впрочем, и в других перечисленных вами заведениях. Меня разыгрывают? Что здесь происходит, господин... Саквояж?

— Савояж. Моя фамилия Са-во-яж.

— Простите, — смутился я.

У самого моего лица прошуршал слюдяной вертолетик. Синяя стрекозка села на коробку с сигарами. Крылышки ее подрагивали. Внезапно раздался скрипучий звук. По стене метнулась тень. Огромная черная бабочка шумно зависла над столом. Савояж протянул руку, и бабочка рухнула ему на ладонь. Он внимательно стал рассматривать ее подрагивающее тельце, а я вдруг с ужасом увидел, что на спинке бабочки явственно проступает желтый человеческий череп! Савояж посмотрел на меня и усмехнулся.

— Что вы, право. Обыкновенный бражник. Тривиальное название “мертвая голова”.

Он сжал пальцы, но я не услышал хруста ломаемых крыльцев. Мелькнула тень.

— Голография. Программа “Бабочки и стрекозы”. Однако продолжим. Вас ожидает настоящее приключение! — Доктор Савояж чмокнул губами. — И я вам сейчас объясню, что вы должны делать. Вы возьмете эту золотую фишку — берите, берите! — и пойдете в комнату, где играют в рулетку. Вы можете поставить три раза. В любом случае, вы ничего не проиграете.

Он неожиданно тепло улыбнулся.

— Это аттракцион! Это просто аттракцион! Но он великолепен!

(...)

Я не услышал, что объявил крупье, но Роберт Иванович, склонившись ко мне, тихо сказал:

— “Красное” выиграло.

И вот тут-то действительно грянула музыка, но, похоже, услышал ее только я один.

Магнитофон орал как оглашенный. Узкая коричневая лента с левой бобины тихонько вползала ему в нутро, и звуки, скрученные в рулончик, таинственным образом преобразовывались в музыку. Музыка была польская. Но по звучанию — вполне английская.

Жиденькая елка стояла в углу комнаты. Вместо игрушек на ней висели оранжевые морковки, малиновые свеколки и большие светлые яблоки.

Я — незримый — сидел за столом, и мутная белая брага стояла передо мной в жестяной кружке. Горели стеариновые свечи. Лица людей, сидящих вокруг стола, были неясными. Но люди разговаривали знакомыми до боли голосами. И говорили и спорили о вещах столь умных и странных, что можно было подумать, что я попал на какой-нибудь диспут, проводимый обществом “Знание”.

(...)

Я сосредоточился и стал наводить резкость. Голоса стали более внятными. Тени стали четче, лица прояснились. Вкруг стола сидели молодые кудлатые волки, и в их глазах горели зеленые огоньки.

— Значит, мир обречен? Значит, мир катится к черту?

И молодые волки задумались и приуныли. Они были молоды и отважны, и они не боялись изможденного будущего, и не пугали их ни каменные пустыни, ни каменные джунгли.

Они бежали в Америку.

После девятого класса все пошли подработать в геофизической экспедиции. На исходе лета как-то вдруг стало ясно, что в школу они не вернутся. Они вытащили свой звездный билет.

Были они дерзкие и красивые в свои шестнадцать лет, и им нравилось самим управлять своей жизнью. Электрическая мысль была прямая, как железнодорожная магистраль: они договорились доехать до ближайшего морского порта, пробраться на торговое судно, спрятаться где-нибудь в трюме и в первом же иностранном порту смыться на

берег. А уже там — в Америку! Через континент, понятно, на “пульманах с боковым затвором” или автостопом. “Ветер мчится — хо-хо-хью! Прямо в Калифорнию!” Встречай нас, город Сан-Франциско! Они готовы были рискнуть — и пройти тропой ложных солнц, и раствориться в белом безмолвии.

(...)

Я стоял возле игорного стола, и серебряным ознобом был охвачен мой позвоночник. Крупье лопаточкой трогал разноцветные фишки и вдруг, сделав ловкое движение, сгреб их в дыру в столе.

— Удача улыбнулась вам, — шепнул Роберт Иванович. — Где вы побывали? В какие провалились бездны?

Я, совершенно обалдевший, только и выдавил:

— Что за фокус? Гипноз?

— Делайте ваши ставки, господа, — провозгласил крупье.

И опять завертелось колесо.

(...)

Игра захватила меня. Колесо крутилось, шарик, подсакивая, бежал по кругу.

— Мне почему-то кажется, что должно выиграть число тринадцать, — спокойно сказал Роберт Иванович.

— Ну, хорошо, ставьте на тринадцать! — с отчаяньем прошептал я.

— Ставки сделаны, ставок больше нет, — бесстрастно произнес крупье.

Через несколько секунд он объявил выигрышное число, и это, разумеется, было число тринадцать.

(...)

Зашелестели аплодисменты. И снова грянула музыка.

Серая лента шоссе летела навстречу. Автомобильный приемник был настроен на романтическую волну. Голос был нежен, песня — смуглая и бархатистая. Кажется, это был Хулио Иглесиас. За рулем скалил зубы черноволосый парень. И, кажется, его тоже звали Хулио. Рядом величественно сидела Гранд Мама. Впрочем, я так называл ее только мысленно. Хулио (тот, который был за рулем) беспрестанно балаболит. Настроение у него было, несмотря на раннее утро, что надо. Он разговаривал с Гранд Мамой, иногда оборачивался к нам, и глаза его плутовато блеснули. Гранд Мама выборочно переводила туда и обратно.

— Я из Чили, — гордо сказал шофер.

— Мне нравится Пабло Неруда, — сказал я. — Но мне не нравится генерал Пиночет.

— А мне нравятся генералы, — весело сказал шофер. — Мне нравится ваш генерал Лебедь. Жаль, что он не стал президентом.

— Лебедь — хороший генерал, — сказал я. — Я знаком с Лебедем. Шофер захохотал.

— А я знаком с генералом Пиночетом!

Промелькнул предупреждающий знак, на котором был изображен крокодил.

— О! — сказал я. — Крокодайл!

— Но крокодайл, — сказал Хулио. — Аллигэйттор.

На дорожном указателе было начертано CANAVERAL. Черт подери, подумал я, попасть бы на стартовую площадку.

Гранд Мама обернулась.

— Здесь не надолго. Смотрим, снимаем, завтракаем и в двенадцать выезжаем. Вечером надо быть в Майами-бич. Я зарезервировала отель “Дезерленд”. Утром выезжаем в Ки-Уэст. Кстати, здесь можно спросить космический завтрак. Настоящий. За двадцать долларов. Э-э... Летающий паровоз сняли?

— Йес, мэм! И паровоз, и машину времени. И биллборд с Майклом Джей Фоксом. Док не получился — там аттракцион со стерео-фильмом. И трясло сильно.

— Какой док?

— Док! Доктор Браун!

— А! Самашедчий? Наплевать! Ты говорил, у тебя лазерная копия есть? Выдернем оттуда и смонтируем.

Мы въехали на парковку. Там и сям торчали ракеты. Как на ВДНХ.

Мишка возился с камерой, а я подумал, что аэропорт в Майами — это, скорее, космопорт недалекого будущего. В здании аэровокзала уже сейчас можно снимать фильмы про космические путешествия. “Спейс-шаттл МАЙАМИ — АРМСТРОНГ приглашает пассажиров на посадку. Регистрация у девятой стойки”. Но русских туристов и колумбийских крестьян больше всего поражают стульчаки в клозетах — нажмет кнопку какой-нибудь обалдуй, и тут же на унитаза ложится чистейшее белоснежное кольцо. Каждый раз — новое. Колумбийцы смотрят на эту гигиеническую чепуху презрительно, русские же наслаждаются забавой, вводя в легкую панику обслуживающий

персонал. Колумбийцы злобно смотрят на развязных русских, которых они принимают за гринго.

— Миша, сейчас делаем стендап возле “Аполло”, потом поснимаешь планы, и встретимся в павильоне — хочу скафандр надеть. Остальные аппараты снимай в одном формате — потом нарезку сделаем.

Космический челнок штурмовали школьники. Завтра они будут штурмовать Марс. Память скользнула по американским горкам и вдруг ухнула в черный провал.

(...)

Уже когда ставки были сделаны и шарик, постепенно слабея, летел по кругу, приближаясь к точке своего успокоения, я краем глаза заметил странные перемены, происходившие в игорном зале. Как-то поблекло и слиняло все золото, публика, толпившаяся у стола, куда-то исчезла, пропали и столы, за которыми степенно играли в благородный покер благородные дамы и господа, а стол, за которым играли мы, медленно таял прямо на глазах, и только колесо рулетки как будто увеличилось в размерах и, бешено вращаясь, увеличивалось все больше и больше, наступая на меня. Свет померк. Откуда-то издалека донесся голос крупье:

— “Зеро”, господа!

(...)

Над рулеточным колесом стала формироваться вихревая воронка, в которую потихоньку втягивались предметы. Вот пролетела настольная лампа с зеленым абажуром, серебряная пепельница, металлическая ручка “паркер”, скомкались и вовлеклись в хоровод тяжелые портьеры, картины в резных рамах... Бесшумно пролетело пестрое рулеточное колесо и сгнуло без следа.

(...)

Свет стал распадаться на куски и быстро исчезать в вихре — через мгновение нас окутала угольная чернота. Я слепо махнул рукой, и плотная непроницаемая пелена рассклалась, как если бы бритвой полоснули по занавесу, и в разверзшейся бездне сверкнули звезды. И тут как будто бы ветер дунул: черное пространство напряглось, дыра выгнулась, поползла, и открылся дивный блистающий мир...

Я стоял на площади. Передо мной громоздился ледяной городок, сквозь мутные полупрозрачные стены которого просвечивала густая толпа. Серый каменный Ленин с картинно простертой рукой

стоял в распахнутом пальто со снежным шалевым воротником, как Дед Мороз из черно-белого мультфильма. По елке бежали вверх по спирали разноцветные огни, сияла рубиновая звезда, вспыхивали и гасли гигантские цифры, складываясь в новогоднее число — 1984.

В неровном пестром свете я увидел удалявшуюся спину коробейника. Над ним возвышался дурацкий муляж попугая. Неторопливо били городские часы, железные круглые звуки падали с башни на площадь и катились дальше по заснеженным улицам, опережая обледенелые трамваи, которые медленно и бесшумно скользили сквозь жидкий уличный мрак.

Список литературы:

Валерий Исаков [Электронный ресурс]: МХАТ им. Чехова. Спектакль Легкий привкус измены. – Электронная афиша. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.mxat.ru>

Исаков, В. Жизнь с писателем [Электронный ресурс]: офиц. сайт литер. премии им. П.П. Бажова / ФПГ «Драгоценности Урала», Свердл. отд-ние Литер. Фонда России. – Электр. журн. – Екатеринбург, [200-]. – Режим доступа: [// bazhov.ural.ru](http://bazhov.ural.ru)

Исаков, В. Жизнь ни о чем [Текст]: Роман / В. Исаков // Дружба народов. – 2003. - № 7. – С. 7-63.

Евгений Касимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abursh.sytes.net>

Евгений Касимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.netslova.ru>

Касимов, Е. Казино доктора Брауна [Текст]: Рассказ / Е. Касимов // Урал. – 2006. - № 8. – С. 146-160.

Лейдерман, Н.Л. Введение [Текст] / Н.Л. Лейдерман, Е.К. Созина // Литература Урала. Очерки и портреты. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета; Изд-во Дома учителя, 1998. – С. 5-12.

Липовецкий, М.Н. Литература Урала в 1980-90-е годы [Текст] / М.Н. Липовецкий // Литература Урала. Очерки и портреты. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета; Изд-во Дома учителя, 1998. – С. 436-439.

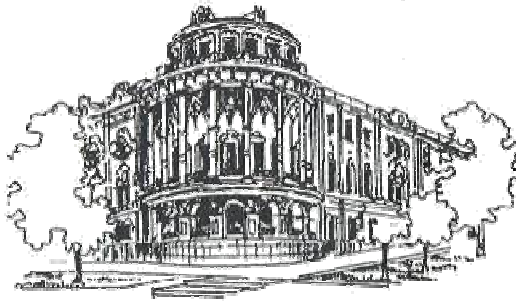
Липовецкий, М.Н. Современная проза Урала [Текст] / М.Н. Липовецкий // Литература Урала. Очерки и портреты. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета; Изд-во Дома учителя, 1998. – С. 440-485.

С парохода современности [Текст]: Круглый стол в редакции «Урала// Урал. – 2002. - № 1. – С. 237-246.

Титов, А. Краток мир [Электронный ресурс]: офиц. сайт литер. премии им. П.П. Бажова / ФПГ «Драгоценности Урала», Свердлов. отд-ние Литер. Фонда России. – Электр. журн. – Екатеринбург, [200-]. – Режим доступа:[http // bazhov.ural.ru](http://bazhov.ural.ru)

Титов, А. Новеллы [Текст] / А. Титов. – Екатеринбург: «Сфера», 1997. – С. 190-197.

Титов, А.Б. Одинокое мое счастье. Вот мамелюки [Текст]: роман. – Екатеринбург: «Сократ», 2004. – 504 с.

Содержание

От составителя.....	3
Литература на перекрестке эпох: Основные черты современного литературного процесса...	5
Четыре «поколения» современных писателей.....	12
Аксенов Василий Павлович.....	15
Войнович Владимир Николаевич.....	21
Битов Андрей Георгиевич.....	28
Маканин Владимир Семенович.....	32
Петрушевская Людмила Стефановна.....	40
Толстая Татьяна Никитична.....	47
Улицкая Людмила Евгеньевна.....	51
Славникова Ольга Александровна.....	56
Пелевин Виктор Олегович.....	62
Шишкин Михаил Павлович.....	66
Быков Дмитрий Львович.....	72
Снегирев Александр.....	76
Новая литература Урала.....	82
Титов Арсен Борисович.....	86
Исхаков Валерий Эльбрусович.....	92
Касимов Евгений Петрович.....	97

Для заметок

Для заметок

Для заметок

© Компьютерный набор: Е.Н. Лом, 2007

© Верстка, макет: О. В. Быкова, 2007

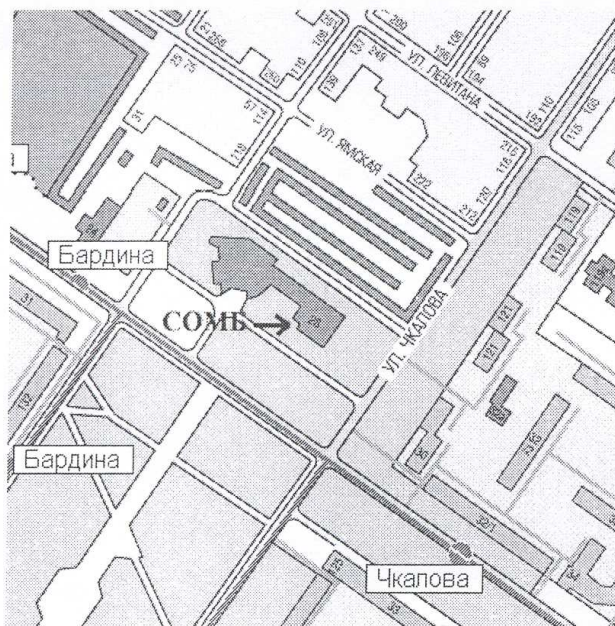
© Свердловская областная межнациональная
библиотека, 2007

Дайджест
входит в серию:

«Давайте дружить литературами»

*В этой серии Вы познакомитесь
с дайджестами:*

- **«Большая литература малых народов»
(финно-угорская литература)**
- **«Литературная панорама Израиля»**
- **«Полка содружества:
Башкирская литература»**
- **«Слово без границ» (литература стран СНГ)**

Свердловская областная межнациональная библиотека

620146, г. Екатеринбург, ул. Бардина, 28

(343) тел. 240-44-23, факс 243-17-00

**А. 21, 42, 43, 46, 76
Т. 11 (ост. Чкалова)**

**E-mail: somb@somb.ru
<http://www.somb.ru>**